

В. А. Волков

ВОЙСКО ГРОЗНОГО ЦАРЯ

том I

прометей

Владимир Волков

Войско грозного царя. Том 1

«Прометей»

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45

Волков В. А.

Войско грозного царя. Том 1 / В. А. Волков — «Прометей»,
2016

ISBN 978-5-9908018-5-1

Несмотря на огромный общественный и научный интерес к эпохе царя Ивана Грозного, множество опубликованных работ об этом времени, военная история Московского государства середины и второй половины XVI века таит еще немало загадок. Собранный автором фактический материал проливает свет на загадки данного периода, воссоздавая цельную и яркую картину ратного служения наших предков. Представленное издание состоит из двух томов. В первом томе помещена монография д.и.н. В. А. Волкова, во втором томе – приложения к ней.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-9908018-5-1

© Волков В. А., 2016
© Прометей, 2016

Содержание

Введение	6
Часть первая. Войны Ивана Грозного	7
Глава 1. Казанские походы Ивана IV. Присоединение Казани и Астрахани к Московскому государству	9
Казанский поход Ивана Грозного и взятие Казани	14
Астраханское взятие	23
Глава 2. Русско-шведская война 1554–1557 гг	28
Глава 3. Войны России с Крымом и Турцией во второй половине XVI в	34
Глава 4. Ливонская война 1558–1583 гг	52
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Владимир Волков

Войско грозного царя. Том 1

*Екатерине Волковой – дочери, помощнику и советнице –
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Рекомендовано к печати

Ученым советом исторического факультета МПГУ. Протокол № 6 от 18 января 2016 г.

Рецензенты:

Перевезенцев С. В., д.и.н., проф. МГУ им. М. В. Ломоносова;

Черникова Т. В., д.и.н., профессор МГИМО МИД России.

© Волков В. А. 2016

© Издательство «Прометей», 2016

Введение

На протяжении всей истории Российского государства приоритетными в деятельности его властителей и правительств оставались вопросы обеспечения защиты и безопасности страны, требовавшие всемерного развития и укрепления вооруженных сил. Особый интерес у исследователей вызывает эпоха правления царя Ивана Грозного и это не случайно – в далеком XVI столетии Россия впервые за всю свою историю приготовилась завоевать право на истинное величие и стать настоящим Третьим Римом. Она могла превратиться в центр новой великой империи, простершей свою власть над всеми сопредельными государствами. Во имя этой цели правителю Русского государства предстояло окончательно разгромить степные татарские ханства, вернуть себе полоцкие, киевские и волынские земли, пробиться к Балтийскому морю, а в идеале – соединить под рукой московского царя все православные народы. Эту трудную миссию и взялся исполнить государь Иван IV Васильевич. Собрал все ресурсы страны, реорганизовав в целях предстоящей борьбы унаследованное им от отца и деда войско, первый царь начинает серию больших войн. Поначалу они были удачными, привели к присоединению к Москве Казани и Астрахани, к победам над крымскими татарами, шведами и ливонскими немцами. Но первоначальный успех обернулся затем тяжелыми поражениями, не позволившими реализовать стоявшую перед нашей страной великую цель. Тяжелые, но, к счастью, не фатальные неудачи отбросили Россию на многие десятилетия назад...

В чем заключались причины этой неудачи? Чтобы определить и разобраться в них, необходимо рассмотреть не только историю войн и походов Ивана Грозного, но и изучить уровень развития вооруженных сил, соответствие его вызовам времени. Только в этом случае можно оценить профессионализм действий самого царя и его военачальников. В этом и состоит сложность избранной темы. Ведь предстоит не только реконструировать значительные по масштабам исторические события, но и попытаться разобраться и рассказать читателям о реалиях ратной службы наших предков, используя достаточно скудный, а зачастую и противоречивый материал летописей и хроник, разрядных книг и мемуарных источников. Труды маститых российских историков не всегда могут помочь в этом, так как личность Грозного царя неоднозначно оценивалась и оценивается учеными. Исследуя его эпоху приходится отодвигать эмоции на второй план и стараться объективно воспринимать и эпоху и человека, ставшего ее воплощением.

Часть первая. Войны Ивана Грозного

*...Широко ты, Русь
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!
<...>
У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?*

Никитин И. «Русь».

В середине XVI века начался второй этап развития вооруженных сил Русского государства. Его особенности определило осуществление большой военной программы, направленной не только на избавление от постоянных угроз со стороны татарских ханств, но и на максимально возможное расширение границ, прежде всего за счет православных стран, утративших ранее свою независимость. Серьезному реформированию подверглось поместное войско – главная ударная сила московской армии. Однако временный характер службы дворянского ополчения перестал устраивать правительство, поэтому оно начало формирование «приборных» стрелецких и казачьих частей, размещенных по городам страны в качестве постоянных гарнизонных войск. В военное время лучшие из них включались в состав полевых армий, усиливая огневое прикрытие дворянских сотен. Тогда же было упорядочено управление вооруженными силами: в дополнение к Разрядному и Поместному созданы Стрелецкий, Пушкарский, Бронный, Каменных дел и другие приказы. Располагая более многочисленной и лучше организованной армией, правительство приступило к покорению Северного и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Западной Сибири. Завоевательным планам Москвы пытались препятствовать Крым и Турция. Эти государства усилили военный нажим на Россию, не ограничиваясь обычными грабительскими набегами, но устраивая большие походы в глубь русской территории.

На северных и северо-западных границах Московского государства в первой половине XVI века обстановка оставалась спокойной, выгодно отличаясь этим от других рубежей Руси, где шли войны, требовавшие привлечения всех военных ресурсов страны.

Причиной полувекового мирного развития отношений России с Ливонским орденом и Шведским королевством являлась взаимная заинтересованность сторон в сохранении устойчивой пограничной линии.

Среди других факторов, предопределивших миролюбивую политику сопредельных с Московской державой государств, выделяются: заметное ослабление немецкого рыцарского государства в Прибалтике, а также длительное военное противостояние Дании со сторонниками независимости Швеции, продолжавшееся до 1523 года, когда была расторгнута Кальмарская уния. С другой стороны, Россия, силы которой истощались нападениями татар и войнами с Великим княжеством Литовским, до поры до времени была заинтересована в развитии с Венденом и Стокгольмом добрососедских отношений, в целом достаточно спокойных, несмотря на раздражавшее Москву стремление ливонских и шведских властей ограничить крепнувшие контакты Руси с другими европейскими государствами. Переломным в истории взаимоотношений наших стран стал 1554 год, когда разразилась новая русско-шведская война, начатая королем Густавом I Вазой. Эта авантюра правителя Швеции привлекла

внимание царя Ивана Васильевича к балтийской проблеме, а победа русского оружия вселила уверенность в слабости противостоящих ему немецких государств, в возможность их быстрого завоевания. «Если бы не ваше злобесное претыкание (помеха, сопротивление), – корил позже Иван Грозный бежавшего в Литву Андрея Михайловича Курбского и его единомышленников, – то, с Божьей помощью, уже вся Германия была бы за Православием».¹

Это убеждение русского самодержца ввергло Россию в один из самых затяжных и тяжелых конфликтов – Ливонскую войну. Поражение в ней сказывалось спустя много лет, и даже последующий реванш – отвоевание во время русско-шведской войны 1590–1595 годов, уже после смерти Ивана Грозного, потерянных по Плюсскому перемирию городов (Ивангорода, Яма и Копорья) – не смог компенсировать прежних людских потерь и экономического разорения страны.

Таким образом, во второй половине XVI века России пришлось воевать на несколько фронтов: против Швеции, Крымского ханства и Речи Посполитой, что ослабляло русскую военную силу, вынуждало правительство, сосредотачивая рати на главном направлении, прикрывать и другие границы. Учитывая вышесказанное, изучение данного периода истории Московского государства предполагает подробное и систематическое рассмотрение войн и вооруженных конфликтов того времени.

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 38.

Глава 1. Казанские походы Ивана IV. Присоединение Казани и Астрахани к Московскому государству

В середине 40-х годов XVI века в русской восточной политике наметился существенный перелом. Окончание эпохи боярского правления положило конец колебаниям Москвы в отношении Казанского ханства. Причина крылась в поведении его правителя Сафа-Гирея, упорно цеплявшегося за союз с Крымом и постоянно нарушавшего мирные соглашения с Россией. Существенную опасность представляли и действия казанских князей, обогащавшихся за счет набегов на приграничные русские земли. Игнорировать враждебные выходки поволжских татар и мириться с ними в Москве уже не могли. В те годы определяющее влияние на политику Русского государства оказывал митрополит Макарий, который являлся инициатором многих предприятий молодого Ивана IV, в 1547 году принявшего бразды правления. Постепенно в окружении митрополита вызревала идея силового подчинения Казанского царства России как единственного средства прекращения татарских вторжений на свои восточные земли. При этом полного завоевания и подчинения Казани не предусматривалось. Гарантией лояльности по отношению к Русскому государству должно было стать утверждение на казанском престоле пользующегося доверием Москвы «царя» Шах-Али и введение в столицу ханства русского гарнизона. В ходе военных действий 1547–1552 годов эти планы подверглись существенной корректировке.

Известно несколько казанских походов Ивана IV. В большинстве царь лично принимал участие, что свидетельствует о том, насколько важными считали их государь и его ближайшие советники. Почти все кампании проходили зимой, когда становились безопасными южные рубежи страны. Первой пробой сил на восточном направлении являлась «посылка в казанские места» войска воевод Александра Борисовича Горбатого и Семена Ивановича Микулинского. Полки под их командованием были отправлены из Нижнего Новгорода в феврале 1547 года в ответ на обращение о помощи черемисского сотника Атачика (по летописной версии – Тугая) «с товарищи», заявивших о желании «великому князю служить». Сам царь в походе не участвовал из-за состоявшейся 3 февраля свадьбы с Анастасией Захарьиной, но внимательно следил за ходом экспедиции. Русская рать дошла до Свияжского устья «и казанских мест многие повоевали», но затем вернулась в Нижний Новгород.²

Во главе следующего похода на Казань встал сам царь. В ноябре 1547 года из Москвы во Владимир направили войска во главе с Д. Ф. Бельским, а 11 декабря туда отбыл и Иван Васильевич. Во Владимире были сосредоточены «для казанского дела» в основном пехотные полки и «наряд» – московская артиллерия. Войску предстояло выступить к Нижнему Новгороду, а затем – на Казань. На Мещере готовилась к наступлению вторая армия под командованием Шах-Али и Ф. А. Прозоровского. В ее состав входили конные полки, которые должны были идти через степь к назначенному на устье реки Цивили месту встречи двух ратей. Из-за необыкновенно теплой зимы 1547/1548 годов выступление войск в поход затягивалось. «Наряд» прибыл во Владимир только после Крещения (6 декабря) «с великою нужею, понеже быша дожди многие, а снегов не беша ни мало». Главные силы достигли Нижнего Новгорода лишь в конце января, и только 2 февраля армия вниз по Волге направилась к казанской границе.

Однако уже через два дня из-за нового потепления полкам пришлось остановиться на острове Работка. «И неким смотрением Божиим, – читаем мы в летописи, – приде теплота велика и мокрота многая, и весь лед покры вода на Волзе и пушки многие проваляшеся в

² РК 1475–1598 гг. С. 110; ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 149–150; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 49.

воду, многая бо вода речная на лед наступи, и никакоже по леду никому поступити невозможно, и многие люди в проушинах потонуша». Потеря большей части осадной артиллерии, утонувшей в Волге в начале похода, не сулила успеха задуманному предприятию. Это обстоятельство вынудило царя вернуться в Нижний Новгород, а затем в Москву. Оставленная на Работке армия двинулась дальше и, соединившись 18 февраля на р. Цивиле с полками Шах-Али, достигла Казани. В битве на Арском поле воинам Передового полка князя С. И. Микулинского удалось разбить войско хана Сафа-Гирея и «втоптать» его остатки в город. Однако отсутствие осадного «наряда» вынудило русских военачальников, простоявших под стенами ханской столицы 7 дней, отступить к своему рубежу.³

В ответ на этот поход произошло нападение казанского отряда Арака-богатыря на галицкие места. Костромской наместник З. П. Яковлев, извещенный о набеге, настиг и разгромил отягощенного полоном и добычей противника на Гусевом поле, на р. Езовке.⁴

Второй казанский поход Ивана IV стал неизбежным после получения Москвой 25 марта 1549 года известия о кончине хана Сафа-Гирея. Казанцы попытались получить нового «царя» из Крыма, однако послы не справились с возложенной на них миссией. В результате новым ханом был провозглашен двухлетний сын Сафа-Гирея, Утемыш-Гирей, именем которого стала править мать – ханша Сююн-Бике. Русское правительство решило воспользоваться наступившим в Казани династическим кризисом и нанести мощный удар по татарскому ханству. Разряды упоминают о походе в казанские места в июне 1549 года воевод Б. И. и Л. А. Салтыковых, носившем, по-видимому, разведывательный и отчасти диверсионный характер. Направить на Волгу большие силы тогда не удалось – лучшие русские рати с апреля до начала осени 1549 года стояли в городах «от Поля» и по «Берегу», охраняя южную границу.⁵

Зимний поход 1549/1550 годов готовился более основательно. Решение о нем было принято в июле 1549 года.⁶ Полки собирались во Владимире, Суздале, Шуге, Муроме, Костроме, Ярославле, Ростове и Юрьеве. 20 декабря кратчайшей дорогой из Владимира в Нижний Новгород с осадной артиллерией отправились воеводы В. М. Юрьев и Ф. М. Нагой. В поход войско провожали специально прибывшие во Владимир митрополит Макарий и крутицкий владыка Сава. В послании митрополита есть чрезвычайно важный призыв, адресованный воеводам и детям боярским: идти в поход «без мест».⁷ Получив благословение митрополита, царь во главе собранных полков выступил «на свое дело и на земское» к Нижнему Новгороду, откуда 23 января 1550 года русское войско вниз по Волге направилось в татарскую землю.

Под Казань полки пришли 12 февраля и начали готовиться к осаде хорошо укрепленной крепости. Однако погодные условия вновь оказались не на русской стороне. По свидетельству летописцев, наступило «в то время аерное нестроение, ветры силние, и дожди великие, и мокрота немерная; и из пушек и ис пищалей стреляти не мощно, и к городу приступати не възможно за мокротою. Царь и великий князь стоял у города 11 ден, а дожди по вся дни быша и теплота и мокрота великие; речки малые попортило, а иные многие прошли, а приступати к городу за мокротою не угодно. И царь великий князь, видев такое нестроение, пошел от града Казани прочь во вторник <...> февраля 25».⁸

³ РК 1475–1598 гг. С. 112–114; ПСРЛ. Т. 13. С. 155; ПСРЛ. Т. 29. С. 55.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 157.

⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 56.

⁶ РК 1475–1598 гг. С. 120.

⁷ Там же. С. 122.

⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 158–159.

Основная причина неудачных походов 1547–1550-х годов скрывалась в невозможности наладить правильное снабжение войск, вынужденных действовать на вражеской территории, вдали от своих городов. С целью исправления положения дел было решено в будущем 1551 году в устье р. Свияги, на Круглой горе, в 20 верстах от Казани, построить новую крепость. Превратив ее в крупную базу, русские войска могли контролировать все правобережье («Горную сторону») Волги и ближние подступы к Казани. Основной набор стен и башен, жилых помещений и двух храмов будущей твердыни зимой 1550/1551 годов заготовили на Верхней Волге, в Углицком уезде, в вотчине князей Ушатых.⁹ Надзирал за ее строительством государев дьяк И. Г. Выродков, которому предстояло не только изготовить крепость, но затем в разобранном виде доставить ее к устью Свияги. Эту сложнейшую инженерную операцию сопровождал целый ряд мероприятий, призванных изменить ход военных действий против волжских татар.¹⁰

Главная роль в прикрытии фортификационных работ на Круглой горе отводилась рейду князя П. С. Серебряного, получившему весной 1551 года приказ идти с полками «изгоном на казаньской посад». Одновременно с этим вятская рать Б. Зюзина и волжские казаки должны были занять все перевозы по основным транспортным артериям ханства: Волге, Каме и Вятке. На помощь Зюзину из Мещеры выслали 2500 пеших казаков во главе с атаманами Севергой и Елкой. Им предстояло пройти «Подем» к Волге и «суды поделать да пойти вверх по Волге воевати казаньских мест». Дальнейшая хроника этой войны упоминает атамана Севергу с связи с его действиями на Вятке в составе рати воеводы Зюзина, что свидетельствует о благополучном завершении казачьего похода из Мещеры на Волгу. Другие отряды служилых казаков действовали в Нижнем Поволжье. На них жаловался царю Ивану IV нурадин¹¹ Ногайской орды Измаил, писавший, что казаки «у Волги оба берега отняли и волю у нас отняли и наши улусы воюют».¹²

Войско князя Петра Серебряного выступило из Нижнего Новгорода на Казань 16 мая 1551 года и уже 18 мая было под стенами города. Нападение оказалось для татар полной неожиданностью. Русские воины ворвались в посад и, пользуясь внезапностью своей атаки, нанесли противнику ощутимый урон. Однако казанцам удалось перехватить инициативу и нападавших, оттеснив их к кораблям. Во время контратаки были окружены и взяты в плен 50 стрельцов вместе с их сотником Афанасием Скоблевым.¹³

Отступив от Казани, войско князя Серебряного встало лагерем на р. Свияге, дожидаясь прибытия туда армии Шах-Али и доставки основных конструкций будущей крепости. Огромный речной караван вышел в путь в апреле, а подошел к Круглой горе только в конце мая 1551 года. В апреле из Рязани «на Поле» двинулось войско воевод М. И. Вороного и Г. И. Филиппова-Наумова. Перед ними была поставлена задача прервать сообщение Казани с Крымом.¹⁴

⁹ Там же. С. 163.

¹⁰ Эти мероприятия русское правительство проводило в условиях нарастающей напряженности на южных рубежах, несомненно, связанной с военными действиями, которые русское государство вело против Казанского ханства. Так зимой 1550/1551 годов «на мещерские места и на Старую Рязань» пришли ногайские мурзы «со многими людьми». Против них были двинуты войска из Рязани (кн. П. М. Щенятев, кн. А. И. Воротынский), Зарайска (кн. Д. И. Пунков-Микулинский) и Елатмы (кн. К. И. Курлятев), которые обратили противника в бегство. Отступающих ногайцев преследовали «казаки великого князя и до Волги их побивали» – ПСРЛ. Т. 13. С. 161. Об этом нападении упоминается и в разрядных записях. В них уточняется, что их Рязани в поход против ногайцев воеводы пошли 13 декабря 1550 г. Одновременно с ногайским нападением «на белевские места и на карачевское подлесье» напали крымские татары. Это вынудило правительство срочно перебросить к границе отряды из Мещовска, Серпейска и Мощина. – РК 1475–1598 гг. С. 130.

¹¹ Нурадин – титул правителя правого (западного) крыла Ногайской Орды, младшего соправителя ее бия.

¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. № 4. Л. 32–32 об.

¹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 164.

¹⁴ РК 1475–1598 гг. С. 132.

Активность русских войск ошеломила казанцев и отвлекла их внимание от начатого 24 мая строительства на Свияге. Крепость была возведена за четыре недели, несмотря на просчет строителей, неверно определивших длину стен будущего города. Об этом совершенно определенно говорится в летописи: «город же, который сверху привезен, на половину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас зделали».¹⁵

Свияжская крепость

Новая крепость, нареченная «во царское имя» Ивангородом Свияжским (Свияжском), стала русским форпостом в Казанском ханстве. Возведение сильной крепости в самом

¹⁵ Крепостные стены Свияжска протянулись на 1200 саж. По подсчетам П. П. Епифанова, прясла (участки стены между башнями) состояли из 420 городен; в крепости было 11 башен, 4 стрельницы и 6 ворот, стены и башни имели 2 яруса бойниц, предназначенных для ведения артиллерийского и ружейного огня. – Епифанов П. П. Оружие и снаряжение // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 324. Сейчас эти данные уточнены. Первоначально в новопостроенном городе было 7 башен. Крепостная стена Свияжска состояла из 563 городен. Из них 29 были «свияжские» городни – изготовленные уже в ходе постройки города из местных стройматериалов. Остальные 534 городни были «верховскими» – доставленными из-под Углича, с верховьев Волги – См.: Куприянов В. Н., Копсова Т. П., Агишева И. Н. Свияжск. Казань, 2005. С. 16, 62.

сердце татарского государства продемонстрировало силу Москвы и способствовало началу перехода на русскую сторону ряда поволжских народов – чувашей и черемисов-марийцев. Полная блокада водных дорог ханства московскими отрядами усугубила сложную ситуацию. В Казани назревало недовольство правительством, составленным из крымских князей во главе с уланом Коцаком, главным советником ханши Сююн-Бике. «И крымцы видев то, что им от казанцов быти отданными государю, събрався все да пограбя, что възможно, побежали ис Казани». Однако уйти этому отряду, насчитывающему «триста человек уланов и князей и азеев и мурз и казаков добрых», не удалось. На всех перевозах стояли русские заставы, обойти которые было невозможно. В поисках безопасной переправы крымцам пришлось отклониться от первоначального маршрута. Отряд Коцака вышел «к Вятке-реке, а уже тут не почали великого князя людей, стояли бо утаяся по сторожам». Татары изготовили «тары» и стали переправляться через реку. В этот момент их атаковала находившаяся в засаде вятская рать Бахтеяра Зюзина, усиленная казаками атаманов Федора Павлова и Северги. Большую часть крымцев перебили, а 46 человек во главе с уланом Коцаком попали в плен и были казнены в Москве.¹⁶

Новое правительство, которое возглавили оглан Худай-Кул и князь Нур-Али Ширин, вынуждено было пойти на переговоры с русскими властями. 11 августа 1551 года казанские послы – князь Бибарс Растов, мулла Касим и ходжа Али-Мерден – согласились выдать хана Утемышша и «царицу» Сююн-Бике, признать присоединение к России Горной (западной) стороны Волги, запретить христианское рабство и принять ханом угодного Москве Шах-Али. 14 августа 1551 года на поле в устье р. Казанки (в 7 км от Казани) прошел курултай, на котором татарская знать и духовенство одобрили заключенный договор. 16 августа состоялся торжественный въезд нового хана в Казань. Вместе с ним «для полону и иных для управных дел» прибыли русские представители: боярин И. И. Хабаров и дьяк И. Г. Выродков, которым на следующий день передали 2700 наиболее видных пленных соотечественников.

Правление нового казанского «царя» продолжалось недолго. Обезопасить себя и немногих своих сторонников Шах-Али мог только одним способом – пополнив казанский гарнизон за счет русских войск. Несмотря на шаткость положения, хан согласился ввести в Казань лишь 300 касимовских «князей и мырз и казаков» и 200 стрельцов.¹⁷ Между тем вынужденное согласие Шах-Али выполнить ряд требований московского царя, в том числе выдать 60 тысяч русских пленных, окончательно подорвало авторитет казанского правительства.¹⁸ Отказ Москвы на просьбы Шах-Али о возвращении под власть Казани присягнувших России жителей «Горной» половины ханства вызвал еще большее недовольство татар. Хан попытался силой подавить оппозицию, но начатые им репрессии лишь усугубили ситуацию. В связи с этим в Москве, где внимательно следили за развитием событий, стали склоняться к принятию предложения, высказанного сторонниками из числа казанской знати: об удалении Шах-Али и замене его русским наместником.¹⁹ Неожиданные действия хана, узнавшего о предстоящей передаче власти прямому представителю Москвы и решившего покинуть

¹⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 63.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. с. 167; ПСРЛ. Т. 29. С. 65–66. Русское правительство настойчиво уговаривало Шах-Али укрепить «город его людьми русскими» (ПСРЛ. Т. 13. С. 173). Хан несколько увеличил численность русского гарнизона (во время последующего бегства из Казани его сопровождало 500 стрельцов (ПСРЛ. Т. 13. С. 174; ПСРЛ. Т. 29. С. 70)), но этого было явно недостаточно, чтобы держать под контролем большой город, население которого было враждебно настроено к новой власти, тесно связанной с Москвой.

¹⁸ Указанные 60 тысяч русских рабов были выданы русским воеводам в Свияжске и получили там «корм государев». Но многие бывшие пленники выходили из Казанской земли самостоятельно. Неучтенным остался «полон» вятский, пермский, устюжский, вологодский, муромский, мещерский, галицкий и костромской. – ПСРЛ. Т. 13. С. 169; ПСРЛ. Т. 29. С. 66. Тем не менее, пленные были выданы не все, о чем в сентябре 1551 года И. И. Хабаров и И. Г. Выродков сообщали в Москву.

¹⁹ Такое предложение уже в январе 1552 года было высказано казанскими послами князем Нур-Али Костровым и Алемердином-азеем

престол, не дожидаясь официального уведомления, спутало карты сторонников такой рокировки. 6 марта 1552 года Шах-Али под предлогом поездки на рыбную ловлю покинул Казань. Захватив в качестве заложников сопровождавших его князей и мурз (всего 84 человека), хан ушел под русскую защиту в Свияжск.²⁰ Вскоре после этого в Казань были направлены московские воеводы, но вступить в город им не удалось. 9 марта 1552 года подстрекаемые князем Исламом, князем Кебеком и мурзой Аликеем Нарыковым горожане восстали. В ходе переворота к власти пришла партия сторонников возобновления войны с Россией во главе с князем Чапкуном Отучевым.²¹ Новым ханом стал астраханский царевич Едигер-Мухаммед (Ядыгар-Мухаммед), войска которого начали военные действия против русских отрядов, стараясь очистить от них Горную половину ханства. В одном из боев был взят в плен и казнен казачий атаман Северга, разделивший судьбу еще 180 русских воинов, большинство из них оказалось в плену во время переворота, произошедшего в Казани 9 марта 1552 года. Москва не могла смириться с крахом планов в отношении Казани и приступила к подготовке очередного похода на татар. Немедленно возобновилась блокада русскими отрядами-заставами казанских речных путей.

Подготовка нового похода на Казань началась ранней весной 1552 года. В конце марта – апреле в Свияжск из Нижнего Новгорода отправили осадную артиллерию, боевые припасы и продовольствие. В апреле-мае для участия в походе в Москве и других городах собрали войско численностью 150 тысяч человек). К маю 1552 года полки сосредоточились в Муроме (Ертоульный полк), Кашире (Правой руки полк), Коломне (Большой полк, Левой руки полк, Передовой полк). Часть собранных в Кашире, Коломне и ее окрестностях ратей, выдвинувшись к Туле, отразила нападение на русские «украины» крымских татар хана Девлет-Гирея, старавшегося сорвать завоевательные замыслы московского командования.²² Татарам на 4 дня удалось приостановить выступление русской армии на Казань, которое намеренно было задержано с учетом возможного вторжения крымцев.²³

Казанский поход Ивана Грозного и взятие Казани

Поход начался 3 июля 1552 года. Войска двигались двумя колоннами. Сторожевой полк, Левой руки полк и Государев полк во главе с царем шли через Владимир, Муром на реку Суру, к устью реки Алатырь, где тогда же был заложен одноименный город.²⁴ Большой полк, Правой руки полк и Передовой полк, которыми командовал князь М. И. Воротынский, двигались к Алатырю через Рязань и Мещеру. Соединение двух ратей произошло у Борончева Городища за рекой Сурой. Проходя в среднем по 25 км в день, 13 августа русское войско достигло Свияжска, а 16 августа начало переправу через Волгу, занявшую 3 дня. 20 августа огромная армия подошла к столице Казанского ханства.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 172–174; ПСРЛ. Т. 29. С. 68–70.

²¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 143–144.

²² ПСРЛ. Т. 13. С. 188–190; ПСРЛ. Т. 29. С. 83–84; Курбский А. М. История о великом князе Московском // РИБ. Т. 31. Стлб. 175–176.

²³ План кампании против Казани предусматривал, что выступившее из Москвы войско под командованием воевод Ивана Федоровича Мстиславского и Михаила Ивановича Воротынского, при котором находился и сам царь, должно было к 16 июня сосредоточиться в Коломне и там «ждать из Крыму вестей». В случае получения «полных вестей» о том, что нападения крымских татар не последует, войску следовало идти на Казань немедленно. В случае отсутствия вестей воеводам предстояло стоять со своими полками в Коломне «до Петрова дни» (29 июня), а затем уже выступать в поход на Казань. – РК 1475–1598. С. 135. Нападение Девлет-Гирея на Тулу, произошедшее 22 июня 1552 года, было быстро отбито. Уже 1 июля «воеводы к государю на Коломну с тульского дела пришли и сказали государю, что царь (Девлет-Гирей – В. В.) пошел невозвратным путем». 3 июля сосредоточенные в Коломне русские полки выступают в поход к Мурому и дальше на Казань. Таким образом, ценою поражения под Тулой Девлет-Гирею удалось задержать одну из русских армий всего на 4 дня.

²⁴ Красовский В. Э. Трехсот-пятидесятилетие города Алатыря. Симбирск, 1902. С. 3–4, 7.

Противник успел хорошо подготовиться к новой войне и будущей осаде, укрепив расположенный на господствовавших над окружающей местностью возвышенностях город. Казанский кремль был обнесен двойной дубовой стеной, заполненной щебнем и глинистым илом, с 14 каменными башнями – «стрельницами», находившимися одна от другой на расстоянии не превышавшем двойного полета стрелы (ок. 500 м.).²⁵ Подступы к городу прикрывали русла рек Казанки – с севера и Булака – с запада. С других сторон, особенно со стороны Арского поля, наиболее удобной для организации осадных работ, Казань окружал большой ров, достигавший 3 сажень (6,5 м.) в ширину и 7 сажень (15 м.) в глубину.²⁶ Наиболее уязвимым местом крепости являлись 11 ворот, хотя они были прикрыты башнями и дополнительными укреплениями из тарас. На городских стенах для защиты воинов от обстрела со стороны противника были устроены парапеты высотой в 140 см, над ними – деревянная кровля. Помимо внешних укреплений в самом городе была устроена внутренняя цитадель, которая находилась в северо-западной части Казани, на естественной возвышенности. Там стояли «палаты царские и мечети, зело высокие мурованные». От остального города дворец был отделен глубокими оврагами и внутрикрепостной каменной стеной.²⁷

На этот раз татары не ограничились укреплением своего главного города. В 15 верстах к северо-востоку от Казани, в верховьях реки Казанки, на Высокой горе, был сооружен острог, подступы к которому надежно прикрывали топкие болота и засеки. Острог служил оперативной базой 20-тысячной конной рати царевича Япанчи, Шунак-мурзы и арского (удмуртского) князя Евуша. Это войско готовилось совершать внезапные нападения на тылы и фланги русской армии в случае начала осады Казани. Однако достаточно продуманные меры борьбы с русскими оказались на этот раз малоэффективными, прежде всего из-за неравенства сил. 150-тысячной армии московского царя противостояло 60-тысячное татарское войско, разделенное на две части: 20-тысячный отряд Япанчи и 40-тысячный казанский гарнизон, в состав которого вошло не только все мужское население Казани, но и 5 тысяч мобилизованных восточных купцов.²⁸ Сыграло роль и использование русским командованием новейшего для того времени средства разрушения оборонительных сооружений – устройства подземных минных галерей. Опасности таких методов борьбы совсем не знали казанцы.

Сражение за Казань началось, когда русские войска приблизились к городу – татары атаковали шедший впереди армии Ертоульный полк. Момент для нападения был выбран очень удачно. Ертоул только что переправился через реку Булак и поднимался по крутому склону Арского поля, а остальные русские полки находились на другом берегу и не могли оказать немедленной помощи своему авангарду.

Вышедшие из крепости татарские отряды с двух сторон (от Ногайских и Царевых ворот) ударили по русскому полку.²⁹ Казанское войско насчитывало 10 тыс. пеших и 5 тыс. конных воинов. Нападающие действовали быстро и решительно и едва не добились победы.

²⁵ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858. С. 178; Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани в 1552 г. // Инженерный журнал. 1898. № 8. С. 1028–1030; Алишев С. Х. Историческая судьба народов Среднего Поволжья XVI–XIX вв. М., 1990. С. 49–50.

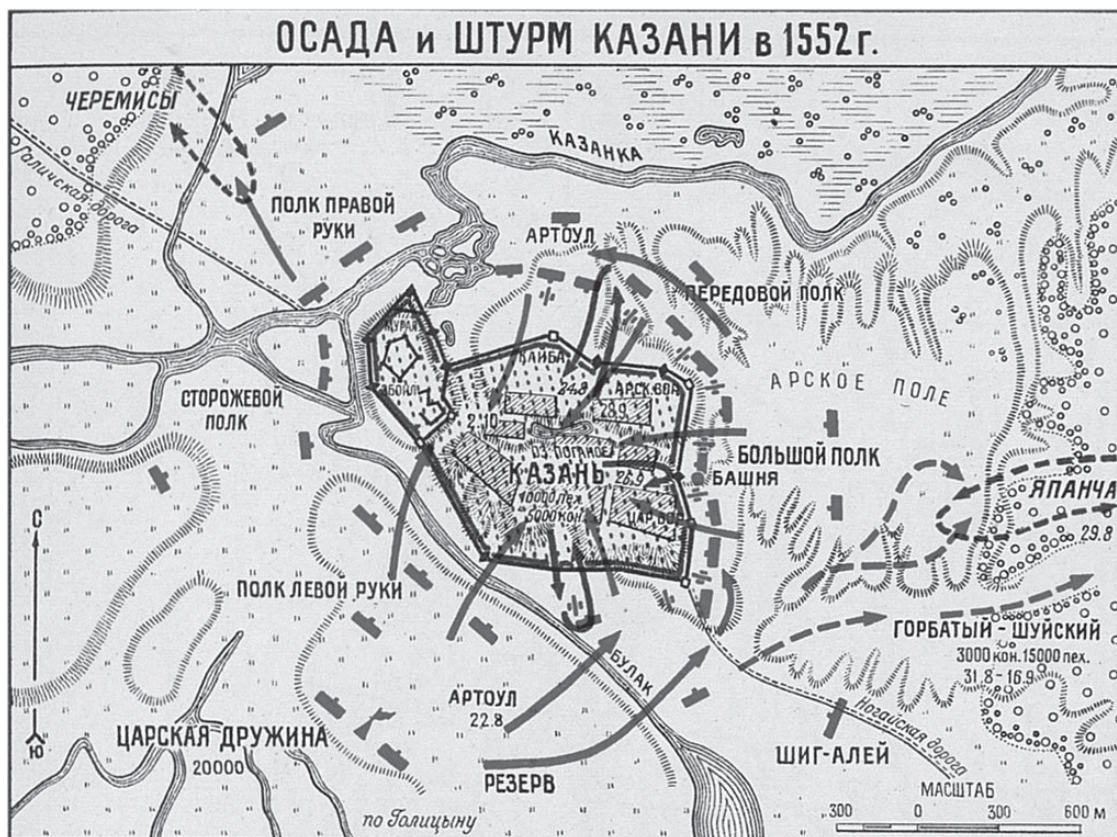
²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 212; На пути к регулярной армии России: От славянской дружины к постоянному войску. СПб, 2000. С. 117.

²⁷ Маслов П. Д. Русское военное искусство второй половины XVI в. Диссертация на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Харьков, 1954. С. 271.

²⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 307; КИ. С. 131–133; РИБ. Т. 31. Стлб. 183. В составе татарской конницы действовал небольшой 2-тысячный ногайский отряд. Накануне похода русское правительство сумело щедрыми дарами отвлечь ногайских мурз от поддержки атакованного Москвой Казанского ханства (РГАДА Ф. 127. Кн. 3. Л. 137; Кн. 4. Л. 77). Помимо этих войск на Галицкой дороге действовали разрозненные черемисские отряды, в которых А. Г. Бахтин видит третью группировку казанских войск, противостоящих московской армии. – Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 127.

²⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 204.

Положение спасли находившиеся при Ертоуле казаки и стрельцы. Растянувшись в линию с левой стороны двигавшегося к Казани полка, они открыли по противнику огонь из длинных пищалей. Татарские отряды смешались, тем временем к месту боя подоспели новые стрелецкие приказы, также начавшие обстреливать находившуюся в первых рядах казанского войска конницу. Не выдержав огня, конные татары обратились в бегство, смяв своих пеших воинов. Первое столкновение закончилось победой русского оружия. Вслед за Ертоулом на Арское поле вступили и другие полки.

Осада и штурм Казани в 1552 году.

Начав осаду Казани, русские окружили крепость траншеями, окопами («закопами») и турами, а в некоторых местах и тыном.³⁰ 27 августа «повеле государь... наряд большей прикатити к турам... и начали безыпрестани по граду бити стенобитным боем и верхними пушками (мортирами – В. В.) огненными побиваху многих людей; также и стрелцы пред турами в закопах не даваше на стенах людем быти и из ворот вылазити, многих побиваша».³¹ В числе орудий, из которых велся артиллерийский обстрел города были и «великие» пушки, по обычаю того времени имевшие собственные имена: «Кольцо», «Ушатая», «Змей Сверстой», «Змей Летучий», «Соловей».

Первоначально действия русских войск под Казанью серьезно осложнялись нападениями отрядов Япанчи, совершавшимися по особому сигналу – поднятому на одной из башен Казани «хоругви большой басурманской». Первый такой налет произошел 28 августа, когда погиб один из русских воевод Т. И. Лошаков. На следующий день нападение повторилось и сопровождалось вылазкой из города.

³⁰ Плетенными щитами, высотой 2,7 м. Они устанавливались в два ряда, на расстоянии ок. 2 м. Промежуток между ними засыпался землей.

³¹ ПСРЛ. Т. 29. С. 98.

Ущерб, наносимый ударами Япанчи, был слишком серьезен, чтобы пренебречь ответными действиями против его отрядов. Русское командование собралось на военный совет: «царь же наш со всеми сигклиты и стратилаты вниде в совет». На нем воеводы решили направить против татар войско князей А. Б. Горбатого и П. С. Серебряного, включающее 30 тыс. конных и 15 тыс. пеших воинов.³²

30 августа русские воеводы сумели притворным отступлением выманить неприятельскую конницу из лесного укрытия на Арское поле и окружили ее. Бегущих врагов преследовали до р. Киндери, находящейся в 10 км. от современной Казани. После боя, по словам А. М. Курбского, на полторы мили «трупия басурманского множество лежаще». В плен попало по разным сведениям от 140 до 1000 воинов Япанчи, в основном «черемисов и чувашей». Все они были казнены перед стенами Казани.³³ Только части татарского войска, атаковавшего русские полки на Арском поле, удалось вырваться из окружения и уйти в свой острог.

6 сентября рать А. Б. Горбатого и П. С. Серебряного выступила в поход к Каме, получив приказ «жечь казанские земли и деревни их разорять до основания». Воеводы с боем взяли острог на Высокой горе и уничтожили большую часть его защитников. При штурме татарских укреплений спешили не только дети боярские, но и «головы же царева полку». В плен попало всего 200 татарских воинов, которых, по-видимому, ожидала участь чувашей и марийцев, захваченных в бою на Арском поле и казненных. После уничтожения главной базы противника войско прошло, сжигая татарские селения, более 150 верст. Дойдя до реки Камы, оно с победой вернулось к Казани. За 10 дней похода воеводы овладели 30 острогами, захватив, по одним сведениям 2 тыс., по другим – 5 тыс. пленных и множество скота, пригнанного в русский лагерь.³⁴

После разгрома войска Япанчи и отражения нападения «луговой черемисы»³⁵ осадным работам под Казанью уже ничто не могло помешать. Русские батареи приближались к стенам города, огонь их с каждым днем становился все губительнее для осажденных.

Помимо традиционных осадных средств были задействованы и не встречавшиеся ранее приспособления. Напротив Царевых ворот построили подвижную осадную башню высотой в 6 сажень (13 м), которая поднялась «выше града Казани». На ней установили 10 больших и 50 малых орудий – полуторных и затинных пищалей.

Стрельцы с высоты этого сооружения, придвинутого к стенам крепости, простреливали стены и улицы Казани, нанося защитникам города ощутимый урон. 31 августа «немчин» Розмысел³⁶ и его русские ученики, перенявшие у наставника методы «градского разорения», начали вести подкопы под крепостные стены для установки пороховых мин. Первый подкоп был подведен ими под казанский водяной тайник. 4 сентября в галерею, сделанную под Дауровой башней Казанского Кремля, заложили 11 бочек с порохом. Взрыв не только уничтожил тайный ход к воде, но и серьезно повредил городские укрепления.³⁷

³² Там же. Стлб. 187.

³³ ПСРЛ. Т. 6. С. 307; ПСРЛ. Т. 13. С. 208–209, 505; РК 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 425; РИБ. Т. 31. Стлб. 188. Правдоподобнее других выглядят данные Костровского летописца, сообщившего о пленении в бою на Арском поле 740 человек. – ОР РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 208 об. По интересному сообщению А. М. Курбского, пленных, по приказу царя привязали к кольям с наружной стороны русских укреплений, после чего казанцам предложили сдаться, обещая пощаду («живот и свободу») им и пленным. В ответ на это татары «начаша стрелять с стен града, не так по нашим, яко по своим, глаголюще: Лутче <...> увидим вас мертвых от рук наших басурманских, нежели бы посекали вас кгауры необрезанные». – РИБ. Т. 31. Стлб. 189.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 208 об.; Казанская история. С. 132.; РИБ. Т. 31. Стлб. 189–190.

³⁵ Через 4 дня после возвращения рати А. Б. Горбатого со стороны Галицкой дороги на русские «станы задние» напал отряд «луговой черемисы», отогнавший часть русских табунов. В погоню за налетчиками был направлен конный отряд, настигший и разгромивший противника. – РИБ. Т. 31. Стлб. 191.

³⁶ По сохранявшемуся до XIX века в Казани преданию, «розмыслом» был англичанин Бутлер – Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани. С. 1037.

³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 209–211; ПСРЛ. Т. 29. С. 100–102. По сообщению А. М. Курбского в этот подкоп было заложено не

11, а 20 «великих» бочек пороха. – РИБ. Т. 31. Стлб. 192. Два других, основных, подкопа делались: один – к казанской крепостной стене со стороны Поганого озера, другой – «от Булака стрелбища под левую сторону под самую стрелницу и под стену». – ОР РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 208 об.

Осадная башня под Казанью в 1552 году.

4 сентября 1552 года новым подземным взрывом царские горокопы разрушили «Муравлевы ворота» – ворота Нур-Али. С большим трудом татары, выстроив новую линию укреплений, смогли отбить начавшуюся русскую атаку.

Эффективность таких ударов была очевидной. В борьбе за Казань русское командование решило продолжить разрушение крепостных стен подведенными под них пороховыми минами. В последних числах сентября закончилось изготовление подкопов, взрыв которых должен был стать сигналом к взятию города.

Накануне общего штурма окруженной со всех сторон Казани, 1 октября 1552 года, русское командование направило в город парламентаря – мурзу Камая – с последним предложением покориться Москве.³⁸ Оно было отвергнуто – казанцы решили защищаться до конца, ответив: «Не бьем челом! На стенах и на башне Русь, мы иную стену поставим, да все помрем или отсидимся».

На рассвете следующего дня, 2 октября, русские войска с 7 сторон начали подготовку к штурму крепости. Около 6 часов утра («на первом часу дня»)³⁹ полки были расставлены на заранее определенных местах. Сотни касимовских татар отвели на Арское поле, чтобы прикрыть тыл атакующих войск. Большие конные отряды. Большую конную рать выслали на Галицкую и Ногайскую дороги против черемисов и ногайцев, небольшие отряды которых еще действовали в окрестностях Казани.

Сигналом к штурму послужили взрывы двух мин, подведенных под стены города при помощи подкопов. В горнах (подземных выработках, где размещаются заряды) заложили 48 бочек «зелья» – около 240 пудов пороха, а затем подорвали их с помощью свечей, догоревших и воспламенивших ведущие к минам пороховые дорожки.⁴⁰ Взрывы прогремели ровно в 7 часов утра.

Царь Иван IV, присутствовавший на торжественной литургии в походной церкви, услышав два страшных взрыва, прогремевших с интервалом в 1 минуту, вышел из шатра и увидел летящие в разные стороны остатки крепостных укреплений. Взорванными оказались участки стен между Аталыковыми воротами и Безымянной башней, между Царевыми и Арскими воротами. Крепостные стены со стороны Арского поля были почти полностью разрушены, и русские отряды ворвались в крепость. В первом эшелоне атакующих шла пехота – 45 тысяч стрельцов, казаков и «боярских людей».⁴¹

Колонны штурмующих сравнительно легко проникли в город, но основная битва разгорелась на кривых улочках татарской столицы. Казанцы отказывались сдаваться и бились насмерть. Одними из наиболее прочных очагов обороны стали главная казанская мечеть на Тезицком овраге и царский дворец, который, по словам А. М. Курского, «бо бе зело крепок,

³⁸ Русское командование 7 раз обращалось к казанцам с предложением сдаться. Известен случай, когда в очередных переговорах принимал участие сам царь, переодетый в доспехи простого воина, чтобы не быть узнанным. – ПСРЛ. Т. 13. С. 214, 503; Казанская история. С. 145.

³⁹ Каменцева Е. И. Хронология. М. 1967. Таблица 13. С. 106.

⁴⁰ РИБ. Т. 31. Стлб. 194. Назначенное время штурма, по одной версии, пришлось перенести якобы из-за обнаружения противником места подкопа. В ходе установки в них пороховых фугасов казанцы догадались о приготовлениях к взрыву городских укреплений. Князь М. И. Воротынский сообщил об этом царю («И прислал к государю князь Михайло Воротыньской «Размысл деи зелие под город подставил, а з города его видели, и невозможно деи до третиаго часу (8 час. утра) мешкати»), который приказал немедленно взрывать заряды. – ПСРЛ. Т. 13. С. 215; ПСРЛ. Т. 29. С. 105. Но по версии Костровского летописца, ценного многими уникальными сведениями, подготовка к взрыву и не скрывалась: «И повеле царь Иван Васильевич Розмыслу немчину в подкопах под градные стены и под стрелницы многие бочки з зелием подкатити. И свечи с огнем на них поставити. И повеле государь всему воиску бити по большим набатом и по накрамом и во все ратные трубы. И повеле государь всем воеводам, со всеми полки, Ертоулу, и Передовому полку, и Левои и Правои руки полкам, и Болшему полку, и Сторожевому, и пешим стрелцом, и казаком коемуждо где указано стоять и приступать со всех стран». – ОР РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 209 об. Еще до взрыва мин в подкопах город начала обстреливать русская осадная артиллерия.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 209 об.

между полат и мечетей каменных, оплотом великим обтечен». ⁴² Поначалу все попытки штурмующих прорываться за Тезицкий овраг, отделявший внутреннюю цитадель от городских кварталов, заканчивались неудачей. Русскому командованию пришлось вводить в бой свежие резервы, прибытие которых решило исход битвы за Казань. Прорваться удалось именно у здания мечети. Все защитники ее во главе с верховным сеидом Кол-Шерифом погибли. ⁴³ Последний бой произошел на площади перед ханским дворцом, где собралось около 6 тыс. татарских воинов.

В плен были захвачены казанский хан Едигер-Мухаммед, два его молочных брата и князь Зениет. ⁴⁴ Других пленных не брали. От русской сабли и бердыша спаслись немногие воины, бросившиеся со стен и бежавшие под обстрелом русской артиллерии. Но лишь некоторым из них удалось выжить, перейдя мелководную речку Казанку и достигнув лесов на Галицкой дороге. Посланная с большим опозданием погоня настигла и уничтожила почти всех последних защитников Казани. ⁴⁵

Во время штурма погибло до 20 тыс. татар, всех прочих, как отметил автор одной из псковских летописей, победители «расплениша». По окончании уличных боев пленные были немедленно выведены из Казани. В городе вспыхнули пожары, угрожавшие ему окончательным уничтожением.

После подавления последних очагов сопротивления в Казань через ворота Нур-Али вступил царь Иван Васильевич. Он осмотрел ханский дворец и мечети, распорядился потушить пожары и «взял на себя» пленного Едигер-Мухаммеда, захваченные знамена, пушки и оставшиеся в городе пороховые запасы, «а иного ничего не велел имати». ⁴⁶ Все остальные ханское достояние, равно как и уцелевшее имущество казанцев, досталось рядовым русским ратникам. По благосклонному соизволению царя воевода М. И. Воротынский водрузил на Царских воротах православный крест. 12 октября 1552 года Иван IV покинул завоеванный город, оставив наместником князя А. Б. Горбатого, в подчинении которого находились воеводы В. С. Серебряный, А. Д. Плещеев, Ф. П. Головин, И. Я. Чеботов и дьяк И. Бессонов. ⁴⁷

⁴² РИБ. Т. 31. Стлб. 195.

⁴³ Там же. Стлб. 198–199.

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 211 об. В момент пленения хану Едигеру-Мухаммеду было около 30 лет. Он являлся потомком последнего правителя Орды Ахмед-хана. Отец Едигера-Мухаммеда, астраханский хан Касим, был убит в 1532 году, во время нападения на свое государство черкесского войска. В 1542 году Едигер-Мухаммед выехал на службу в Россию, прожил там 8 лет, участвовал в походе 1550 года на Казань, но вскоре после этого бежал в Ногайскую Орду. После переворота 1552 года стал казанским ханом, но во время взятия Казани русскими войсками попал в плен. Вскоре Едигер-Мухаммед был крещен (26 февраля 1553 года), получив в православном крещении имя Симеон, и женился на Марии Андреевне Клеопиной-Кутузовой (в ноябре 1553 года). В 1562/1563 годах принимал участие в зимнем Полоцком походе русских войск. Умер «царь» Симеон Касаевич 26 августа 1565 года, был похоронен в кремлевском Чудовом монастыре – РК 1475–1598 гг. С. 140, 156, 197. ПСРЛ. Т. 13. 229–230; 398.

⁴⁵ РИБ. Т. 31. Стлб. 201.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 188.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 218; ПСРЛ. Т. 29. С. 108; Худяков М. Г. Указ. соч. С. 154; РК 1475–1598 гг. С. 138.

Коровин П. И. Взятие Казани Иоанном Грозным. Кон. XIX – нач. XX в.

Икона «Благословенно воинство Небесного Царя».

Покорение давнего врага Руси – Казанского ханства – стало событием огромного значения, нашедшим отражение и в русской культуре. Помимо знаменитого Покровского собора –

храма-памятника этой победе, о знаменательном деянии Ивана Грозного напоминает и икона «Благословенно воинство Небесного Царя» (позднее и более распространенное название – «Церковь воинствующая»).⁴⁸

На иконе изображен исход народа Божьего из града обреченного и горящего (Казань) в новый, Небесный, Иерусалим. Им, в данном случае, представлена Москва. Путников встречает Богородица с Младенцем Иисусом, восседающим на ее коленях. Все едущие и идущие в расположенный в левой части иконы Град Небесный вооружены – это конные и пешие воины, разделенные на три ряда. Во главе всех рядов помещен архистратиг небесных сил – архангел Михаил. Апокалиптические мотивы, безусловно, накладываются на исторические – поход русского войска на Казань в 1552 году. В центре иконы изображен сам государь Иван Грозный в окружении святых, помогавших ему в праведном деле. Есть предположение, что автором иконы «Благословенно воинство Небесного Царя» был протопоп Благовещенского собора Андрей, царский духовник, будущий митрополит Афанасий.

Астраханское взятие

После покорения в 1552 году Казанского юрта возникли благоприятные условия для усиления русского влияния и на сопредельных территориях, прежде всего – в низовьях Волги, где находилось Астраханское ханство. Оно возникло в начале XVI века после окончательного разгрома войском крымского хана Менгли-Гирея Большой Орды (1502 год). Столицей ханства являлся город Хаджи-Тархан (Астрахань). Пользуясь исключительно благоприятным расположением своих владений в дельте Волги, астраханские ханы жестко контролировали торговлю Руси и Казани со странами Востока. Вплоть до завоевания Россией здесь сохранялось рабство и работорговля. Астраханские воины не раз участвовали в походах Крымской и других татарских орд на русские земли. После этих набегов на рынках Хаджи-Тархана продавали захваченных невольников. Однако отношения правивших здесь ханов с Бахчисараем были сложными. Гиреи не раз пытались захватить Нижнее Поволжье. Астраханцы же участвовали в опустошительных ногайских рейдах за Перекоп, разоряя владения властителей Крыма.

В конце 1549 или начале 1550 года служившие Ивану IV казаки первый раз захватили Хаджи-Тархан. Об этом в 1551 году написал московский посол в Ногайской Орде Петр Тургенев: «Да присылал, государь, турецкой царь к мирзе посла своего, Чевушем зовут, сее весны. А сказывают, государь, с тем присылал: в наших, деи, в бусурманских книгах пишется, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока. Уже, деи, и мне от нево обида великая. Поле, деи, все да реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнел, да и Озов город упуст у меня доспел, поотымал всю волю. В Азове казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пит не дадут... Да ево же, деи казаки Астрахан взяли и какую грубость учинили. Да царя же, деи, Ивана казаки у вас Волги оба берега отняли и волю у вас отняли, и ваши улусы воюют, да у вас же, деи, пришед городетцкие казаки в улусы ваши, воевали, да Дервиша царя Астраханского полонили. И то, деи, вам не соромоту ли учинили, как, деи, за то стать не умеете».⁴⁹

Взятый в плен хан Дервиш-Али бен Шейх-Хайдар (Дербыш), приведенный в Москву, был принят русским царем ласково. Пленному чингизиду Иван Грозный пожаловал в держание город Звенигород.

⁴⁸ В настоящее время икона находится в экспозиции Государственной Третьяковской галереи. Написана она была для Успенского собора Московского Кремля и помещена у южных врат рядом с царским молебным местом. Во время богослужений икону видел молящийся Иван Грозный. Она напоминала царю и о прежней великой победе (взятии – Казани), и о его прямой обязанности и дальше защищать интересы православия во всем мире.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 39–40.

После этого события изменившейся на Нижней Волге политической ситуацией сумел воспользоваться главный противник плененного хана – царевич Ямгурчи (Емгурчей), пребывавший тогда у черкесов. Осенью 1551 года к Ивану Грозному прибыло его посольство, которое возглавлял Ишим-князь. Послы от имени хана униженно просили московского царя посадить Ямгурчи в Астрахани в качестве своего вассала.⁵⁰

В связи с этим следует отметить, что автором специального исследования об Астраханском ханстве, И. В. Зайцевым, были приведены убедительные доказательства того, что Хаджи-Тархан вскоре после русского взятия был дан во владение некоему хану, имя которого не установлено. «При этом, – пишет исследователь, – победители как-то оформили... обязательства [этого хана], в результате чего Астрахань стала рассматриваться в Москве как владение с правами, близкими к вассальным». Исходя из этого, Зайцев предполагает, что «именно поэтому Ямгурчи в 1551 г. просил Москву о протекторате».⁵¹ С данным утверждением следует согласиться, отметив только, что вполне логичные предположения автора не согласуются с его же (приведенным выше) заявлением о «грабительском набега казаков» на Хаджи-Тархан в конце 1549 или начале 1550 года. Оформление победителями неких обязательств и передача власти какому-то хану допустимы только в том случае, если поход осуществлялся под началом государевых воевод и от имени царя московского. Это, по-видимому, и имело место в данном случае.

* * *

После постройки в казанских владениях крепости Свияжск (24 мая 1551 года) и вынужденного согласия казанских беков принять вассальную зависимость от Московского государства, стремление нового астраханского хана Ямгурчи укрепить союз и дружбу с Иваном IV упрочилось, но ненадолго. Уже в следующем 1552 году (видимо, после изгнания про-русски настроенного хана Шах-Али из Казани) последовал разрыв: Ямгурчи, нарушив договор с московским государем, оскорбил русского посла Севастьяна Авраамова. Хан выслал доверенного слугу московского государя на каспийские острова в дельте Волги и ограбил посольство. С этого момента союзником астраханского хана становится враждебное Москве Крымское ханство. Неудивительно, что в том же 1552 году Девлет-Гирей прислал Ямгурчи 13 пушек. В Москву этим ханом было направлено требование выплаты больших, чем прежде, поминков, в Крыму расценивавшихся как дань.⁵²

Встревоженный наметившимся крымско-астраханским союзом, один из самых влиятельных мирз Ногайской Орды – Исмаил – отправил послов в Москву. Его люди оказались там уже в 1553 году. Они предложили Ивану IV свергнуть Ямгурчи и посадить на ханский престол «царя» Дервиш-Али (Дербыша), в 1537–1539 и в 1549–1550 годах уже занимавшего астраханский престол. Видимо, свою роль сыграли и расчеты на родственную близость: новый претендент был «сестричем» (сыном сестры, племянником по сестре) мирзы Исмаила. После пленения казаками Дервиш-Али сначала недолго жил в России, в Звениго-

⁵⁰ Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 143–144. Автор ошибается, полагая, что взятие Хаджи-Тархана «не было спланировано московским правительством, а являлось грабительским набегом казаков, считавшимися московскими и формально подчинявшимися Москве, но в действительности не подконтрольными ей». Упомянутые в документе городецкие казаки были московскими служилыми людьми и в дальний поход на Нижнюю Волгу могли выступить только по приказу государя. Да и пленение хана и его последующую доставку на Русь можно объяснить, только рассматривая операцию по захвату Астрахани как согласованный шаг с другими действиями русских войск, прежде всего – с Казанским походом 1549/1550 годов.

⁵¹ Зайцев И. В. Указ. соч. С. 145.

⁵² ПСРЛ. Т. 13. М., 2000, С. 241.

роде, но потом был отдан мирзе Белек-Булату. Теперь же его срочно вызвали в Москву и поставили во главе собранной походной рати.

Ранней весной 1554 года в поход к Астрахани выступило 30-тысячное русское войско Дервиш-Али и князя Юрия Ивановича Шемякина Пронского.⁵³ Большим полком командовали сам Шемякин и Михаил Петрович Головин, Передовым – постельничий Игнатий Михайлович Вишняков и Ширяй Васильевич Кобяков, Сторожевым – Степан Григорьевич Сидоров и князь Андрей Григорьевич Булгак Барятинский. Отдельным полком шли вятчане с князем Александром Ивановичем Святыней Вяземским и казаки, отданные под начало воеводы Данилы Чулкова.

29 июня московские отряды, придя на Переволоку, находящуюся между Доном и Волгой, выслали вперед отряд под командованием Александра Святыни Вяземского и Данилы Чулкова. Выше Черного острова он столкнулся с астраханским отрядом Салмана (Сакмака), шедшим в «ушкулех проведывати про рать царя и великого князя». Атаковав противника, русские воины разбили его «на голову; и не утек у тех ни один человек, а самого Сакмака жива взяли и иных многих».

Захваченные в сражении у Черного острова пленные, приведенные к князю Шемякину, рассказали, что «Емгурчей царь стоит ниже города Азсторохани пять верст, а в городе, сказали, люди немногие, а все люди сидят по островам». Получив точные сведения о расположении противника, Передовой полк, усиленный отрядами князя Д. В. Гундорова, князя Т. М. Кропоткина и Г. В. Желобова-Пушечникова, выступил на «царев стан», а главные русские воеводы поспешили к оставленной Ямгурчи столице ханства.⁵⁴

2 июля 1554 года войско князя Шемякина подошло к Хаджи-Тархану, защищать который было некому: в городе оставались «люди немногие». Русские отряды высадились выше и ниже крепости и взяли ее в плотное кольцо. Удержаться в плохо укрепленном городе, окруженном лишь камышовым плетнем, засыпанном землей, было невозможно. «И азстороханцы из города побежали, и всесилного Бога помощью, и пречистыя его Богоматери и великих чюдотворцев молением, и царя благочестивого и великого князя Ивана Васильевича вся Руси благородством и твердым с крепостию разума его науком и его царьским счастьем, воеводы его князь Юрьи Иванович Пронской с товарищи Азстороханское царство и город взяли, и людей пеших поугоняли и многих побили, а иных живых поимали».⁵⁵ Не менее успешно действовали воеводы, посланные на «царев стан», находившийся на острове в одном из рукавов дельты Волги (по-видимому, на Царевой протоке). Впрочем, сопротивления русским войскам оказано не было. По словам летописца, «царь того дни перед ними побежал на конех, уведав про рать на Азсторохань». Ямгурчи с 20 слугами бежал в Азов, где принял покровительство турецкого султана. Попытка вывезти из обреченного города военное снаряжение не удалась – казаки атамана Федора Павлова захватили «ушкул», на котором были обнаружены «набаты (сигнальные барабаны. – В. В.) царевы и пищали».

Новым астраханским ханом, как и предполагали в Москве, стал Дервиш-Али. Власть его первоначально признали 500 князей и мурз и 7000 «черных людей», оставшихся на своих кочевьях. Вскоре обратно вернулся «большой человек» Енгуват-азей, «а с ним многы моллы и азеи и всяких 3000 человек, и правду царю и великому князю и царю Дербышу учинили». Новый хан выполнил главное требование Москвы и освободил русских пленников, пребывавших в рабстве у астраханских татар. Он также обязался ежегодно выплачивать москов-

⁵³ В 1552 году, во время похода на Казань, князь Ю. И. Пронский был одним из воевод Ертоульного полка. Андрей Курбский писал о нем, что «княжато Пронский Юрий, юноша zelo храбрый». Отвага этого воеводы была замечена и царем, давшим ему в 1554 году самостоятельное и ответственное поручение.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 241–242; Вереин Л. Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958. С. 20.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 242.

скому царю дань: 40 тысяч алтын (1200 рублей серебром) и 3 тысячи «рыб» – осетров в сажень.

Через месяц русские полки ушли из Астрахани, оставив в городе отряд под командованием воеводы Петра Дмитриевича Тургенева – наместника при Дервише-Али.⁵⁶ Видимо, с этим обстоятельством связаны перемены и в Ногайской Орде, где в феврале 1555 года союзник Москвы, мирза Исмаил, разгромил отряды своего брата, бия Юсуфа, враждовавшего с русским царем. Юсуф погиб в сражении, а Исмаил стал новым ногайским бием. Весной 1555 года хан Ямгурчи, заручившись поддержкой Крыма и Турции, предпринял попытку вернуть престол, дважды нападая на Астрахань. В его войске были не только астраханские и ногайские мурзы, но и турецкие янычары. В апреле 1555 года, во время первого приступа, русским стрельцам и казакам удалось отразить нападение, обратив противника в бегство. В погоню за Ямгурчи ходил сын Дервиша-Али – «царевич» Джан-Тимур (Ентимир), 13 апреля 1555 года известивший об этом русские власти. В мае произошло новое нападение Ямгурчи. Подробные сведения о нем сохранились в сообщении в Москву воеводы Тургенева. На этот раз события приняли неожиданный поворот. Дервиш-Али смог договориться с находившимися в войске противника ногайскими мирзами, сыновьями бывшего бия Юсуфа – Юнусом, Илем (Элем) и Ибрагимом. Они помогли хану разбить отряды Ямгурчи. В благодарность за эту помощь Дервиш-Али «перевез» мятежных ногайцев через Волгу, где «Юсуфовы дети» начали военные действия против союзника Москвы, своего дяди – ногайского бия (князя) Исмаила. На помощь Петру Тургеневу был отправлен отряд стрелецкого головы Григория Кафтырева и казачьего атамана Федора Павлова, которые встретили астраханского воеводу на Волге, по дороге к Москве. Тургенев сообщил Кафтыреву, что Дервиш-Али его «отпустил» от себя и ищет поддержки у крымского хана Девлет-Гирея. Поспешив в Астрахань, Кафтырев нашел город покинутым жителями. Он сумел переслать хану известие о готовности восстановить добрососедские отношения между Москвой и Астраханью и частичном удовлетворении его просьб московским царем. Дервиш-Али решил мириться. На это решение правителя Хаджи-Тархана, несомненно, повлияла и неудачная для крымцев попытка нападения на Русь – по итогам битвы на Судьбищах 3–4 июля 1555 года Девлет-Гирею пришлось бежать в свои улусы.⁵⁷ После нормализации русско-астраханских отношений жители вернулись в свой покинутый город, но в марте следующего 1556 года ногайский князь Исмаил известил московское правительство, что Дервиш-Али окончательно изменил России.

Действительно, подстрекаемый новыми союзниками из числа ногайских «Юсуфовых детей» и астраханскими советниками, хан напал на стоявший в Астрахани русский отряд Леонтия Мансурова и вынудил его покинуть территорию ханства.⁵⁸ Опасаясь ответных действий со стороны Москвы, Дервиш-Али тогда же обратился за помощью к хану Девлет-Гирею, поспешно приславшему в Хаджи-Тархан небольшой отряд (700 крымских татар, 300 янычар) под началом Атман-Дувана.⁵⁹ Этих сил оказалось недостаточно, чтобы успешно противостоять русскому войску, в которое входили стрелецкие приказы Ивана Черемесина и Тимофея Пухова-Тетерина, вятская рать воеводы Федора Писемского и отряды казаков Михаила Колупаева и волжского атамана Ляпуна Филимонова. Казачий отряд Филимонова, отправленный в поход еще зимой на лыжах, первым подошел к Хаджи-Тархану. Несмотря

⁵⁶ РК 1475–1598 гг. М., 1966. С. 144.

⁵⁷ Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. С. 43–50. Автор полагает, что в числе целей похода крымского хана Девлет-Гирея была попытка поддержать астраханского хана и крымскую партию в Ногайской Орде. – Там же. С. 52.

⁵⁸ Городок, где держался Л. Мансуров, был подожжен с помощью подвезенной нефти. Уйти на кораблях не удалось – они оказались «просечены» ногаями. Все же Мансуров смог всего с 7 оставшимися людьми уйти на плоту в Верхний острог, где были основные силы его отряда. – Зайцев И. В. Указ. соч. С. 167.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 20. М., 2004. С. 575

на то, что у него было всего 500 казаков, Филимонов сумел ворваться в город и нанес тяжелое поражение астраханскому войску. Дервиш-Али бежал, рассчитывая на поддержку союзных ему ногайских мирз. Но «Юсуфовы дети» договорились с дядей Исмаилом и, повинившись перед русскими воеводами, напали на Дервиш-Али. В бою он потерял многих людей и все крымские пушки. Тогда с остатками войска последний астраханский хан бежал к турецкому Азову. После этой победы Астраханское ханство было ликвидировано, а земли в дельте Волги вошли в состав Российского государства. Лаконично, но точно итог закончившейся войны подвел Сергей Михайлович Соловьев, написавший: «Так устья Волги окончательно закрепились за Москвой».⁶⁰

Закономерно, что вскоре после этого, в 1557 году, вассальную зависимость от Москвы признал ногайский бий Исмаил.

Состоявшееся присоединение к Московскому государству Казанской земли (1552), Астраханского ханства (1556) и Ногайской орды (1557) все же не означало полного покорения Среднего и Нижнего Поволжья. Мятежи в этом, тогда еще беспокойном, регионе продолжались всю вторую половину XVI века, отвлекая русские вооруженные силы, крайне необходимые на других рубежах.

⁶⁰ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 473

Глава 2. Русско-шведская война 1554–1557 гг

Король Швеции Густав I Ваза, пришедший к власти в 1523 году, в конце 40-х – начале 50-х годов XVI века взял курс на военную конфронтацию с Россией. С одной стороны, к этому его побуждало стремление после выхода из Кальмарской унии и восстановления независимости Швеции округлить свои владения за счет восточного соседа.⁶¹ В 1555 году, когда уже вовсю шло военное противоборство с Русским государством, шведские послы указывали ливонцам, что «вполне спокойными соседние державы могли считать себя только в том случае, если московские владения будут совершенно отрезаны от моря».⁶² С другой стороны, эта война, как указывали еще В. Н. Татищев и С. М. Соловьев, велась за «имя» шведского короля.⁶³ Густав Ваза, первый король независимого Шведского государства, по мнению царя Ивана Грозного, стоял значительно ниже него. Как и прежде, в Москве шведского короля по статусу приравнивали к новгородскому наместнику, а никак не царю. Вследствие этого все дипломатическое взаимодействие с династией Ваз с русской стороны шло лишь через наместников Великого Новгорода. Шведский монарх справедливо полагал, что такая ситуация сказывается на международном престиже страны и собирался исправить положение дел, вынудив московского царя считаться с собой.

Приняв решение развязать войну с Русским государством, Густав I Ваза начал искать союзников. Однако его попытки организовать антимосковскую коалицию с участием Швеции, Ливонского ордена, Дании и Литвы провалились.⁶⁴ По интересному сообщению Б. Рюссова, власти Ордена подталкивали шведского короля к войне с Московским государством, обещав ему помощь и содействие, но затем отказались от своих обязательств: «В 1554 году Беренда Шмертена, орденсфохта и владельца Виттенштейна (Вейсенштейна – В. В.) послали к Густаву, королю шведскому просить короля начать серьезную войну с московитами. То же самое хотел сделать и магистр ливонский. Когда же в 1555 г. король шведский начал войну с московитами, и был уверен, что магистр по обещанию также поможет ему против русских, то магистр и не подумал идти на войну».⁶⁵ Несмотря на то, что к началу войны Швеция оказалась в полной изоляции, она все же выступила против Московского государства. В 1554 году «немецкие люди» начали нападать на порубежные места, вызвав протест русских властей. Позднее царь упрекал короля Густава в том, что его «люди, перелезчи за старой рубеж за Саю реку и за Сестрею реку и за иные записные рубежи в перемирных грамотах, земли пашут, и сена косят, и рыбы ловят, а людей наших бьют и грабят, а называют наши земли твоими землями, а рубеж называют в наших погостех, речку Руеть Саею рекою <...> А Мурманской наш данщик Васюнок Конин нам бил челом, что твои люди Нарбатские земли сына его до смерти убили и дань нашу взяли с дватцати погостов и вперед нашим данным людям наши дани давати не велят... А игумен наш Святого Чюдотворца Николы, что на Печенге против Варгана и тот нам бил челом, что твои подвластные люди на него ся хвалят убивством и хотят монастырь наш разорити».⁶⁶

⁶¹ Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 6.

⁶² Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 18–19.

⁶³ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 6. М.-Л., 1966. С. 248–251; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. III. Т. 5–6. С. 660.

⁶⁴ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 18; Новицкий Г. А. Русско-шведские отношения в середине XVI в. и война 1554–1557 гг. // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 52.

⁶⁵ Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 342.

⁶⁶ Сб. РИО Т. 129. СПб., 1910. № 1. С. 18.

Полный разрыв отношений между двумя странами связан с задержанием в Выборге и арестом в Стокгольме русских купцов и «земца» Никиты Кузьмина – посланника новгородского наместника, князя Д. Ф. Палецкого, отправленного в Швецию с жалобами на участвовавшие нападения «немецких людей». Перешедшие границу шведские отряды начали «нашим порубежным людям многие насилства учали делати розбои и татбами и бои и грабежи, и многие села и деревни и хлебы пожгли и многих людей до смерти побили, и через Саю реку и через Сестрею реку и через иные старинные рубежи, которые писаны во княж Юрьеве грамоте и во княж Магнушеве грамоте,⁶⁷ через те все старинные рубежи перелезчи в наши во многие земли и в воды вступались, а назвали те наши земли и воды твоими землями». ⁶⁸ Сообщивший о произошедшем в Москву Д. Ф. Палецкий в январе 1555 года получил царскую грамоту, содержащую повеление направить за рубеж, в Выборский уезд войска, усилив их земцами и «обидными людьми», «а велети им над немцы учинити по тому ж, како они над нашими людьми чинили, а за грабежи бы свои взяли гораздо, вдвое и втрое». ⁶⁹ Однако противник ожидал ответных действий с русской стороны и сумел подготовиться к отражению нападения. В боях на границе шведы разбили отряд Ивана Бибикова, в который входили, как того потребовал царь, преимущественно местные ополченцы – «земцы и черные люди». ⁷⁰ Несмотря на эту победу, начинать широкомасштабные военные действия противник не спешил, сосредоточивая силы в г. Або (Турку). Только в конце лета – начале осени 1555 года части армии и флота под командованием адмирала Якоба Багге выступили в поход. Шведы намеревались, воспользовавшись внезапностью нападения, захватить русскую крепость Орешек, развернув затем наступление на новгородском направлении. ⁷¹

Однако начатая шведами подготовка к нападению на Орешек не осталась незамеченной русскими воеводами. Еще 14 августа 1555 года новгородский наместник, князь Палецкий, сообщил царю, что «збираются свийского короля немецкие люди в Выборе, а хотят быти на царевы и великого князя украины». На русско-шведскую границу немедленно двинулись крупные силы. К Орешку выступило войско князя А. И. Ногтева и П. П. Головина. Большая часть этой рати должна была встать в Кипенском погосте, а отдельный отряд под командованием Головина предназначался для усиления гарнизона Орешка. Рать во главе с З. И. Очиным-Плещеевым направили к Кореле. Новгородское ополчение, которым командовал сам князь Палецкий, должно было стоять на левом берегу Невы, прикрывая подступы к городу от возможного нападения шведских отрядов. ⁷²

Вскоре начались военные действия. Русские войска успели усилить гарнизон Орешка, перебросив туда значительные подкрепления. В источниках сохранилось упоминание о присутствии в крепости во время осады воеводы «Петра Петрова» – несомненно, П. П. Головина, направленного туда из состава Большого полка А. И. Ногтева. ⁷³ В сентябре 1555 года

⁶⁷ Т.е. в Ореховском (Нотебургском) мирном договоре, заключенном 12 августа 1323 года шведским королем Магнусом VII Эрикссоном и находившимся тогда в Великом Новгороде московским князем Юрием Даниловичем.

⁶⁸ Сб. РИО. Т. 129. № 1. С. 18.

⁶⁹ Материалы по истории Карелии XII–XVI в. Петрозаводск, 1941. № 74. С. 175.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 260. В царской записи, отправленной в Швецию с К. Кнутсоном, содержится интересная информация о посылке отряда И. Бибикова: «И наши люди порубежные били челом боярину и наместнику (кн. Д. Ф. Палецкому. – В. В.), <...> что им того насилья терпети не мочно, многих у них людей твои (шведского короля. – В. В.) побили и животы у них поимали и хлебы, и села, и деревни пожгли твоим веленьем... и им от твоих людей грабежу ести нечего и князь Дмитрей бы им ослободил хлеба взяти. И боярин наш и наместник князь Дмитрей Федорович послал с ними Ивашка Бибикова и иных неслужилых земцов, а велел им хлеба взяти. И твои люди тех сельских людей побили и поруганье над ними великое учинили. – Сб. РИО. Т. 129. № 1. С. 19.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 260.

⁷² РК 1475–1598 гг. С. 152–153.

⁷³ После отступления шведов от Орешка и соединения русских полков, «Петр Петров» стал вторым воеводой Большого полка (ПСРЛ. Т. 13. С. 260). Именно так предписывалось в полученном князем А. И. Ногтевым наказе: «А нечто придут немецкие люди, и воеводам быти по полком: «В Большом полку воеводы кн. Ондрей Иванович Нохтев да Петр Петрович

шведские войска, поддерживаемые флотом, начали осаду Орешка: «пришед Яков (адмирал Якоб Багге. – В. В.) от Выбора сухим путем на конех, и пешие с ним люди были многие, а в бусех с моря Невую пришли в то же время с нарядом многие же люди к Орешку же; и по городу из наряду били, и землю воевал, а стоял под городом три недели; а в городе был тогда Петр Петров». ⁷⁴ Другие неприятельские отряды «приходили к Кореле и многие села и деревни жгли и людей многих до смерти побили, а иных в полон имали». Один из них, пытавшийся переправиться через Неву «на Ноугородскую сторону», был разбит Сторожевым полком С. В. Шереметева. ⁷⁵

Начавшееся в октябре контрнаступление войска кн. Ногтева и Плещеева, к которому присоединилась часть новгородского гарнизона под командованием Шереметева, вынудила шведское командование снять осаду Орешка и отойти к своей границе. ⁷⁶ Во время преследования отступающего противника русские «загоны» смогли захватить неприятельский корабль: «И воеводы на них приходили, князь Андрей да Захарьи, в загонех у них людей побивали да взяли у них бусу одну, – на ней было полтора человека да четыре пушки, и людей всех побили и поймали, а не утек у них никто из той бусы». Вблизи рубежа произошло столкновение шведских арьергардов и русского Передового полка, закончившееся неудачно для русских. Московским и новгородским воинам пришлось отступить, так как «не в меру были им [немецкие] люди». Однако число погибших в этом бою было невелико. Как отмечено в летописи, «на обе стороны мертвых от стрел и от пищалей человек по пяти, по шти». ⁷⁷

Ответные действия русского командования не заставили себя долго ждать. В Новгороде сосредотачивалась армия под командованием князя П. М. Щенятева. Мобилизации подлежали и служилые люди Новгородского уезда. 1 ноября 1555 года царь направил Д. Ф. Палецкому требование собрать на службу помещиков и земцев со всех пятин и городов Корелы, Орешка и Ямы «на Николин день осенний» (6 декабря). ⁷⁸ Согласно разработанному в Москве плану предстоящей операции, поход против Швеции должен был осуществиться зимой 1555/1556 годов.

Распоряжение об этом походе было отдано 9 ноября 1555 года. Из Новгорода войско князей П. М. Щенятева и Д. Ф. Палецкого, насчитывавшее не менее 20–25 тыс. человек, выдвинулось 26 декабря. А уже 20 января 1556 года их полки, перейдя шведский рубеж у Смолина и Лебежья, начали наступление на Выборг. Помимо воинов русской поместной конницы, в нем участвовали отряды астраханских, казанских и касимовских татар, стрелецкие подразделения из Москвы, Новгорода, Белой, Опочки, Великих Лук, Пупович, Себежа, Заволочья, Велижа. ⁷⁹ Еще до начала Выборгского похода, в Швецию было отправлено предложение о проведении мирных переговоров. Эта грамота «пришла в Выбор за две недели до Рождества Христова, и отписали из Выбора державцы его Аврам с товарищи ко князю Дмитрию Палетьскому, что ходил войною Яков Баг воевати без королева ведома, да писал похвально, каке воеводыв от него дрогнули, а про съезд (намечавшиеся на границе перего-

Головин. В Передовом полку с Новгорода дворецкой и воевода Семен Васильевич Шереметев. В Сторожевом полку воевода Захарья Иванович Плещеев. – РК 1475–1598 гг. С. 153. Г. А. Новицкий, к сожалению, не увидел этого тождества и посчитал «П. Петрова» и П. П. Головина разными воеводами, действующими в совершенно разных местах. – Новицкий Г. А. Указ. Соч. С. 54.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 260. В одной из псковских летописей отмечено, что осада Орешка шведскими войсками продолжалась 2 недели. – ПЛ. Вып. 2. С. 234.

⁷⁵ Сб. РИО. Т. 129. № 1. С. 19.

⁷⁶ Г. А. Новицкий полагал, что в контрнаступлении войск кн. А. И. Ногтева и З. И. Плещеева участвовал и воевода П. П. Головин. – Новицкий Г. А. Указ. Соч. С. 54. Однако, как было показано выше, П. П. Головин в это время руководил обороной осажденного шведами Орешка и не мог находиться в числе воевод, двигавшихся на помощь этой крепости.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 260.

⁷⁸ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. № 77. С. 178.

⁷⁹ РК 1475–1598 гг. С. 154–155; ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 68. С. 128.

воры. – В. В.) ничего не именовал». ⁸⁰ Уклончивый ответ шведских властей и их отказ выслать представителей на переговоры сделали ответный удар русских войск неизбежным. О якобы самовольных действиях Якоба Багге позднее писал и король Густав I Ваза, утверждавший в одном из своих посланий, что на Орешек «тот Яков ходил без нашего ведома и не по повелению». ⁸¹

Во время Выборгского похода в распоряжении войска находилось всего 8 небольших орудий (3 «полуторные» и 5 «девятипядных» пищалей) и по 100 ядер к каждому из них – явно недостаточно для правильной осады мощной крепости. Возможно, в походе участвовал новгородский «наряд» или его часть, однако тот факт, что многие новгородские пушкарки были взяты в «поддатни» (помощники) к московским пушкарям, делает такое предположение маловероятным. ⁸²

Несмотря на то, что под Выборгом русская рать простояла всего 3 дня, поход можно признать удачным. Отступив от этой крепости, царские войска прошли вдоль р. Вуоксы, сжигая расположенные по ее берегам селения, и только потом вернулись на свою сторону границы. Сохранился подробный рассказ об этом походе, закончившемся полным разорением всего порубежного края: «Того же году, месяцу февраля 7 день, приехал от воевод из немецкие земли Шемяка князь Дмитрий Гагарин, ⁸³ а от царевича ⁸⁴ Уразлый-мырза Конбаров, и сказывали: как воеводы пришли за рубежь в Смолино и в Лебежье, и послали воевати по обе стороны, и к городу х Киновепи ⁸⁵ послали же, и из города немцы побежали, а город зажгли, и воеводы за ними послали и многих». В ходе преследования погибло немало шведов, а в Киновепи (Кивинеббе) победители захватили семь пушек. Кроме артиллерии русским достались и другие трофеи: «рухлядь всякую многую имали, и город до основания сожгли, а сами пошли к Выбору, воюючи по обе стороны». Новое столкновение произошло в окрестностях Выборга: «И не доходя до Выбора за 5 верст, встретили немцы конные и пешие и пришли на яртоульской полк, – а в ертоулах были князь Никита Примков-Ростовской да Федор Пушкин, – и Федора с коня збили и ранили добре, а князя Никиту ранили же, и полк яртоульской потоптали». На выручку разбитым авангардным частям поспешили другие русские войска. Первым к месту боя подоспел Передовой полк С. В. и Н. В. Шереметевых, составленный из новгородского и ивангородского ополчений. Он контратаковал увлекшихся преследованием шведов и опрокинул их. ⁸⁶ Противник поспешно отступил назад, соединившись с основным своим силам. «И которые пришли на яртоульской полк, – записал летописец, – тех побили немцов и гонили их с версту по гору; а тут у них конные и пешие многие с пищалми стоять в камень, приезд к ним тесен; и тут ранили воеводу Никиту Васильевича Шереметева». В сражение втягивались все новые и новые отряды и полки. С фронта позиции ожесточенно сопротивляющихся шведов атаковала татарская конница царевича Кайбулы Ахкуйбековича, с фланга неприятелей обошел Полк правой руки воеводы И. В. Меньшого Шереметева, который «пришел на них от города от Выбора; и побили их тут на голову и гоняли по самой Выбор и многих живых поимали королевьских дворян». ⁸⁷ В этом сражении, по одним сведениям, погибло 5 дворян и 80 кнехтов, по другим – 4 офицера и 111 кнехтов. ⁸⁸

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 263.

⁸¹ Сб. РИО Т. 129. С. 4.

⁸² ДАИ. Т. I. № 73. С. 132.

⁸³ Кн. Д. Д. Гагарин участвовал в Выборгском походе, командуя отрядом, выступившим из Ивангорода и Яма. – РК 1475–1598 гг. С. 155.

⁸⁴ Автор документа имел в виду астраханского царевича Кайбулу Ахкуйбековича, командовавшего в этом походе отдельным отрядом в 1500 человек, «опричь стрельцов и казаков». – ДАИ. Т. I. № 70. С. 129.

⁸⁵ Русское название шведского города Кивинебба (соврем. поселок Первомайское).

⁸⁶ РК 1475–1598 гг. С. 155.

⁸⁷ И. В. Меньшой Шереметев выступил в поход вторым воеводой полка Правой руки, но после тяжелого ранения на

Одержав победу, «воеводы пришли всеми полки к Выбору и велели князю Григорью Путятину по городу из наряду бить да голове стрелецкому Тимофею Тетерину с стрелцы;⁸⁹ и стояли под городом воеводы три дни, из города вылазити прямо на полки не дали, побивали из наряду и ис пищалей». Начиная осаду, большие воеводы направили «за Выбор верст со сто в Лавретцкой погост» отряды под командованием голов Б. Ю. и В. Ю. Сабуровых, И. Шарапова Замыцкого и В. В. Разладина «и иных многих голов». Им предстояло встретить большой шведский отряд (800 человек), шедший из Стокгольма («Стеколни») к Выборгу «от короля». Обнаружив противника, русские атаковали его у Лаврецкого погоста и разбили.⁹⁰ Разорив все окрестные места, отряды Сабуровых, Шарапова Замыцкого и Разладина разделились на «загоны», которые «полону поимали безчислено и пришли к воеводам здорово». На третий день осады Выборга московское войско отступило от крепости и пошло на р. Вуоксу «и к городу к Дошаному посылали головы Семейку Вешнякова да Никиту Новокрещенова и иных многих голов, и немцы вышли из города. И тут воевали по обе стороны Воксы-реки и посылали воеводы головы з детми з боярскими и атаманов с казаки и головы с татары и сотники от голов с стрелцы, и воевали, многое множество поимали полону: купили полон в гривну немчин, а девка в пять алтын; и вышли на Корельской рубеж, дал Бог, здорово со всеми людми».⁹¹ Разорение, постигшее Западную Карелию и Южную Финляндию, вынудило шведские власти начать поиск мирных решений разгоревшегося вооруженного конфликта.

В июне 1556 года, опасаясь нового, еще более опустошительного вторжения московских войск, Густав I Ваза направил в Россию посланника К. Юханссона (Кнута Иванова). В русскую столицу он прибыл 27 июля, доставив Ивану IV послание своего короля с предложением начать переговоры о мире. Царь согласился принять шведских послов, направив им «опасные» грамоты. В феврале 1557 года посольство, возглавляемое Стеном Эрикссоном Лейонхувудом и Лаурентиусом Петри Нерициусом, архиепископом Упсальским,⁹² прибыло в Москву. С русской стороны в переговорах участвовали новгородский наместник князь Михаил Васильевич Глинский, дворецкий Алексей Данилович Плещеев, окольничий Алексей Федорович Адашев и дьяк Иван Михайлов (И. М. Висковатый).

По условиям мирного договора, заключенного 21 марта 1557 года, между Швецией и Московским государством устанавливалось перемирие на 40 лет – «от Благовещеньева дни лета 7065-го до Благовещеньева ж дни 7000 сто пятого». Русско-шведская граница восстанавливалась по старому ореховскому рубежу, определенному еще в 1323 году: «А земли бы и воды велел розъехати по старым докончальным грамотам князь Юрьевым с Магнушем королем». Шведы вернули все захваченные ими приграничные территории и русских пленных, шведские пленные подлежали освобождению за выкуп.

С результатами войны 1554–1557 годов связано начатое вскоре шведами большое крепостное строительство в пограничных городах. Серьезной реконструкции подверглись даже укрепления Выборга. Вместо деревянных стен с восточной и северной стороны здесь были построены каменные, затем надстроили башню Святого Олафа, ставшую главным артиллерийским сооружением города, державшим под прицелом своих орудий оба пролива и под-

границе в ногу первого воеводы, князя А. И. Ногтева, принял командование этой частью русского войска.

⁸⁸ Horuborg E. Finland havdar. Stormakten Sverige – Finland. Helsingfors, Holdershildt, 1930. P. 90.

⁸⁹ Воевода кн. Г. В. Путятин командовал в этом походе артиллерией («нарядом»). – РК 1475–1598 гг. С. 155. Стрелецкий голова Т. И. Пухов-Тетерин возглавлял отряд московских стрельцов из 205 человек. – ДАИ. Т. I. № 68. С. 128.

⁹⁰ Во время военных действий в окрестностях Выборга в бою у Лаврецкого погоста русскими был разбит шедший к городу шведский отряд. Он насчитывал 800 человек. – Новицкий Г. А. Указ. Соч. С. 59.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 264–265.

⁹² Фактически, именно он и возглавлял посольство. Один из главных деятелей шведской реформации, Лаурентий Петри был близок к королю Густаву, выдавшему за него замуж свою двоюродную сестру Елизавету Дитриксдоттер.

ходы к Выборгу с северо-западной и приморской сторон.⁹³ Своевременность этих мер подтвердили последующие события.

⁹³ Тюленев В. А. Выборгский замок в конце XVI в. // КСИА. № 190. М., 1987 С. 84, 86.

Глава 3. Войны России с Крымом и Турцией во второй половине XVI в

Успешные действия Московского государства против Казанского и Астраханского ханств, упрочение русского влияния в Ногайской Орде не могли не встревожить правителей Крыма и Турции, видевших в завоевательных планах царя Ивана Васильевича несомненную угрозу своему господству в южнорусских степях. Начало войны несколько задержала очередная усобица в Крыму, хотя летом 1550 года русским воеводам дважды – в июле и в августе – приходилось выходить в Поле, чтобы предотвратить нападения крымцев на северские, рязанские и мещерские места.⁹⁴ Осенью 1550 года крымское войско, опередив действовавшие с ним заодно ногайские отряды, напало на русское пограничье (на белевские места и «карачевское подлесье»), стремясь ослабить военное давление Москвы на Казань. Атака была отбита, но в декабре 1550 года к подвергшемуся нападению участку границы спешно перебросили воевод с отрядами детей боярских из Мещевска, Серпейска и Мощина, усилив стоявшие здесь полки.⁹⁵ Русскому командованию удавалось в этот период контролировать ситуацию на «украине», предотвращая даже крупные вторжения. В августе 1550 года на рязанские и мещерские места шли войной 30 тысяч крымских татар, против которых «на Поля» выступило войско под командованием князя Семена Ивановича Микулинского. Не принимая боя, противник ушел обратно в степь. Положение резко ухудшилось после прихода к власти в Бахчисарае Девлет-Гирея, при помощи турок овладевшего Крымским ханством в 1551 году.

Несмотря на тяжелую войну с Казанью, постоянная угроза нападения крымских отрядов вынуждала русское правительство укреплять южную границу, чтобы сделать ее недоступной для врага. С этой целью в апреле 1551 года на р. Проне было начато строительство нового города Михайлова, ставшего важным звеном в линии русских укреплений. Крепость здесь строили рязанский наместник князь А. И. Воротынский и М. П. Головин.

Последующие события показали, что опасения московского правительства были не напрасными. Летом 1552 года началось вторжение крымских войск – в свой первый поход на Русь двинулся хан Девлет-Гирей. Победа в Казани партии враждебной Москве влекла за собой неизбежный ответный удар. Стараясь предотвратить завоевание Казанского юрта Россией, крымский хан направил войска к ее границам.

Московское правительство получило несколько предупреждений о готовящемся нападении и успело подготовиться к нему. Вражеская армия первоначально шла Изюмским шляхом к рязанским местам, чтобы прорваться уже хорошо известным татарам путем к Коломне. Об этих замыслах сообщили русские разведчики (И. Стрельник, А. Волжин и В. Александров).⁹⁶ Однако Девлет-Гирей, узнав, что Иван IV с большей частью своих войск ожидает его под Коломной, резко изменил планы и повернул к Туле.⁹⁷ Впрочем, особого влияния на ход боевых действий это не оказало. Собрannую для похода на Казань рать развернули для встречи Девлет-Гирея, границу перекрыли по всей ее длине, русские полки были готовы помочь любому из южнорусских городов, подвергшемуся нападению.

Первое сообщение о вступлении крымских войск в русские пределы пришло в Коломну, где находился царь и главные воеводы, 21 июня. В этот день к Туле подошли передовые татарские отряды, численность которых не превышала 5 тысяч человек. На помощь

⁹⁴ РК. 1475–1598 гг. С. 128.

⁹⁵ Там же. С. 130.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 485.

⁹⁷ Там же. С. 488.

находившемуся там воеводе Г. И. Темкину-Ростовскому немедленно были двинуты полки из Каширы (князей П. М. Щенятева и А. М. Курбского), Ростиславля (князей И. И. Пронского и Д. И. Хилкова) и села Колычева (князя М. И. Воротынского). В общей сложности они насчитывали 15 тыс. человек.⁹⁸ В Коломне стало известно, что к Туле в ночь с 21 на 22 июня подошли еще 7 тысяч татар, а 22 июня «пригнал с Тулы гонец», сообщивший о появлении у города Девлет-Гирея, в войске которого был «наряд многий» и «янычане» (турецкие янычары).⁹⁹ Иван Васильевич направил за Оку войска под командованием князя И. Ф. Мстиславского, а сам во главе Царского полка и новгородской рати перешел к Кашире.

Тем временем татары начали штурм Тулы, стараясь захватить город до подхода к нему русской армии. «Июня 22, в среду, в первом часу ночи, – сообщает летописец, – пришел царь (Девлет-Гирей – В. В.) к городу х Туле с всеми людьми и с нарядом да приступал день весь и из пушек бил по городу и огненными ядры и стрелами стрелял на город, и в многих местех в городе дворы загорелися, и в те поры царь велел янычаном турецкого салтана приступати многим людем». Обороняющиеся с большим трудом отбили неприятельский приступ. На утро бой должен был возобновиться. Однако защитники Тулы, узнав о приближении посланных им на помощь полков, утром 23 июня внезапно атаковали крымский стан. В сражении под стенами города пал шурин «крымского царя» князь Камбирдей, в руки русских воинов попала вся турецкая артиллерия. «И в тот час, – писал, славя победу тулян, летописец, – нечестивый царь Девлет-Гирей крымской побеже от града с великим срамом».¹⁰⁰

Неудачное для крымцев нападение на Тулу во многом предредило судьбу Казани, павшей 2 октября 1552 года. Однако частые мятежи и восстания в Казанской земле заставляли московское правительство держать там значительную военную группировку. Это ослабляло боевые возможности русской армии, вынужденной в борьбе с крымскими татарами ограничиваться стратегической обороной южных рубежей. В эти годы к югу от Оки строились новые города. В 1553 году в мещерских местах на р. Шача (приток р. Цны) Б. И. Сукиным был поставлен город Шацк.¹⁰¹ Он закрыл врагу проход на Русь к мещерским и рязанским местам через так называемые «Шацкие ворота». В 1554 году на р. Шивороне, на месте древнего Дедославля, князь Д. М. Жижемский построил город Дедилов, призванный оберегать тульские места от приходивших по Муравской дороге татарских отрядов. Весной 1555 года М. П. Репнин и Г. И. Нагой возвели на р. Нугрь город Болхов, прикрывший подвергавшиеся частым неприятельским вторжениям белевские, козельские и мценские места. Первоначально новый город на Нугри в документах именовался «Нугрь», и только с осени 1556 года он получил название «Болхов». Летом – осенью 1557 года на р. Хупте у Рясского поля был построен еще один город – Ватман, затем переименованный в Рязск. Возведением этой крепости руководил М. И. Колычев. Благодаря постройке Рязска русское правительство надеялось более надежно прикрыть Рязанскую землю.¹⁰² Постепенно граница Руси с «Подем» отодвигалась дальше на юг, высвобождая для хозяйственной деятельности обширные черноземные пространства. Здесь, вдали от укреплений «Берега» и старых приокских городов, тактика предупреждения татарских нападений была иной. При сохранении старого рубежа обороны, служившего для защиты центральных уездов страны, отныне предпола-

⁹⁸ РИБ. Т. 31. Стлб. 175.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 188; ПСРЛ. Т. 29. С. 83; РК 1475–1598 гг. С. 136.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 189–190. По сообщению А. М. Курбского, при отступлении татарского войска от стен Тулы турецкая артиллерия и боеприпасы были утоплены (РИБ. Т. 31. Стлб. 176). Возможно, брошенные в воду пушки были впоследствии обнаружены и извлечены победителями, чем объясняется информированность мемуариста.

¹⁰¹ РК 1550–16368 гг. М., 1975. Ч. 1. С. 25; Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 95.

¹⁰² РК 1475–1598 гг. С. 145, 148, 161, 165; РК 1550–1636 гг. Ч. 1. С. 36, 66; Загоровский В. П. Указ. соч. С. 96 (Дедилов), С. 97 (Болхов и Рязск).

гались решительные действия воевод на «Поле» для перехвата шедших на Русь крымских отрядов. Теперь более важная роль в борьбе с татарским «загонами» отводилась казакам – непримиримым врагам татар. О движении крупных войск противника казачьи атаманы старались как можно быстрее сообщить русским воеводам, встречавшим врага на подходе к границе. В 1557 году воеводы доходили уже до «усть Ливен» и «усть Ельца», правда, затем поспешно возвращались к Туле и Михайлову.¹⁰³

Заслуживает внимания предпринятая в 1555 году попытка атаковать противника на его территории после срыва в мае этого года мирных переговоров с Девлет-Гиреем. Иван IV послал на Мамай-луг на «крымские стада» войско под командованием боярина И. В. Шереметева и окольничего Л. А. Салтыкова.¹⁰⁴ В поход выступили большие силы, включающие «московских городов выбор», отряд из двора удельного князя В. А. Старицкого, всех северских помещиков и смоленский «выбор» лучших людей и слуг. При обозе находился небольшой стрелецкий отряд и служилые казаки. От участия в походе освободили только детей боярских «казанские стороны». Власти не хотели ослаблять свои вооруженные силы на востоке: на территории завоеванного ханства продолжалось восстание «луговых людей», отряды которых нападали на русские гарнизоны в казанских городах, на нижегородские и муромские места. В 1555 году в Поволжье против мятежников было отправлено войско боярина И. Ф. Мстиславского.

Собранное в Белеве 13-тысячное русское войско И. В. Шереметева и Л. А. Салтыкова вышло в поход на крымские владения 2 июня 1555 года. Дворян и детей боярских в поход выступило около 4 тыс. человек, казаков и стрельцов – около тысячи, боевых холопов и «кошевых людей» – 7 тыс. человек.¹⁰⁵ Из них в прошедшей затем битве на Судьбищах погибло около 5 тыс. военных слуг.

Составленная из трех полков русская рать шла на юг Муравским шляхом.¹⁰⁶ В верховьях рек Мжи (приток р. Северский Донец) и Коломака (приток р. Ворсклы), где войско должно было соединиться с отрядом почапского наместника И. Б. Блудова, воеводы узнали, что «царь крымской Донец перелез со многими людьми, а идет к резаньским и х тульским украинам». Об этом сообщили казаки станицы Л. Колтовского – Б. Микифоров и Шемятка, а также «сторож от Святых гор» И. Григорьев.¹⁰⁷ В войске Девлет-Гирея, двигавшемся к русским границам, находились подразделения янычар (по сомнительному утверждению А. М. Курбского, они насчитывали 10 тыс. человек¹⁰⁸) и турецкие «делы» – пушки.

Определив маршрут движения татарского войска, русские воеводы разделили свою рать на две части. Отряд численностью 6 тыс. воинов под командованием голов Ш. В. Кобякова и Г. В. Желобова атаковал и захватил «царев кош» (крымский обоз).¹⁰⁹ Второй отряд, в котором насчитывалось 7 тыс. служилых людей во главе с самим Иваном Васильевичем Шереметевым, пошел прямо на главные силы противника, несмотря на подавляющее чис-

¹⁰³ РК 1475–1598 гг. С. 139, 145, 162.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 256.

¹⁰⁵ РК 1475–1598 гг. С. 149. В. В. Пенской высказал предположение, что войско Шереметева и Салтыкова насчитывало «максимум 10 тысяч сабель и пищалей, вместе с кошевыми» людьми. – Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 30 и др. Однако рассуждения этого авторитетного исследователя в данном случае небесспорны по причине гипотетичности ряда аргументов.

¹⁰⁶ А. М. Курбский позднее писал, что войско шло «на Изюм-курган (РИБ. Т. 31. Стлб. 220). Он, по-видимому, ошибался. Об этом походе князь писал явно с чужих слов, так как сам в то время участвовал в боевых действиях против восставших казанских татар.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 256; РК 1475–1598 гг. С. 149.

¹⁰⁸ РИБ. Т. 31. Стлб. 222–223.

¹⁰⁹ В захваченном русскими «коше» было 60 тыс. лошадей, 200 аргамаков, 80 верблюдов. В плен попало 20 татар. Взятый «кош» был отведен в Рязань и Мценск. Из состава участвовавшего в нападении на кош русского отряда лишь 500 человек успели присоединиться к главным силам и принять участие в битве на Судьбищах.

ленное превосходство татар: крымский «царь» вел 60 тысяч воинов. Русские воеводы рассчитывали застать врага в «войне», но Девлет-Гирей, узнавший о сосредоточении на границе крупных сил неприятеля, не стал распускать свои отряды для разграбления пограничных селений, а повернул обратно в степь. Таким образом, русской рати пришлось встретиться в открытом бою со всей крымской армией, озлобленной неудачей и потерей «коша». 3 июля 1555 года у урочища Судьбищи, в вернем течении реки Любовша, началось тяжелое двухдневное сражение.¹¹⁰ В ходе этой битвы войско И. В. Шереметева потерпело поражение. Однако часть русских отрядов, которыми командовали воеводы А. Д. Басманов и С. Г. Сидоров (остатки Передового и Сторожевого полков численностью ок. 2 тыс. человек), устояла и, отступив в дубраву, где находился обоз, укрепились («осекошася») в ней. Туда же пробились уцелевшие воины из других отрядов и полков. Они успешно отразили все крымские атаки, продолжавшиеся до глубокого вечера. Опасаясь подхода русских войск, шедших к месту боя от Тулы, Девлет-Гирей прекратил сражение и ушел за р. Сосну.

Несмотря на поражение русских в битве на Судьбищах, в Крыму и в Москве, поход Девлет-Гирея на Русь считали неудачным. Основанием для этого служила не только обидная для ханской чести потеря «коша», но и отступление татарского войска без добычи и «полона».¹¹¹

В 1556 году русские войска нанесли по Крымскому юрту ряд небольших, но болезненных ударов. Первым отличился отряд служилых казаков атамана М. Грошева. Посланный в «Поле», он наголову разгромил встреченных там крымчан. Затем на Днепр было направлено войско головы Матвея Ивановича Дьяка Ржевского, к которому присоединился отряд запорожских казаков из Канева численностью в 300 человек. На легких речных кораблях, изготовленных на реке Псел, московские и запорожские воины спустились вниз по Днепру. В низовьях этой реки они разорили окрестности турецких крепостей Ислам-Кермена и Ач-Кале (Очакова), на обратном пути отбили нападение преследовавшего крымского войска и благополучно вернулись назад, пройдя к своим границам по литовской стороне Днепра.

Одновременно с войском Ржевского на Дон были посланы Данила Чулков и Иван Мальцев. Спустившись к Азову, русские воеводы уничтожили небольшой, насчитывавший 200 человек крымский отряд и, захватив «языков», с важными сведениями вернулись обратно.¹¹² В том же году впервые атаковали Крымское ханство донские казаки. Их походное войско во главе с атаманом Михаилом Черкашенином на стругах пересекло Азовское море и разорило окрестности Керчи. Двух захваченных во время похода «языков» (татарина и турка), вернувшись на Дон, казаки прислали в Москву.¹¹³

Неожиданное продолжение имел союз Москвы с запорожскими казаками, образовавшийся во время похода Матвея Дьяка Ржевского к Ислам-Кермену и Очакову. В 1556 году к Ивану IV был прислан участвовавший в этом походе атаман Михаил Ескович, от имени каневского старосты, князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, оставившего литовскую службу, просивший московского государя принять под свою руку устроенное им казачье поселение на о. Хортица.

¹¹⁰ Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 43.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 256–258; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 560–562; ПСРЛ. Т. 21. С. 654; ПСРЛ. Т. 29. С. 238–239; РИБ. Т. 31. Стлб. 222–223. В 1556 году отпущенные из татарского плена дети боярские – Иван Трофимов и Борис Шелонин, а также татарин Байбера – рассказывали, что «боярин Иван Васильевич Шереметев с товарищи побил многих лутчих людей, князей и мурз и ближних людей, и безчестие царю и убытки... в том, что кош у него взяли, те лошади и на Украину и увели, а на бою с ним русские немногие люди бились и побили у него многих людей: хотя их де царь разгромил, а которые де в дуброве сели, и тех взять не мог и назад наспех шел, блюдаясь царя и великого князя приходу на себя». – ПСРЛ. Т. 13. С. 261–262

¹¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 269, 270–271; РК 1475–1598 гг. С. 158.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 272.

На Днепр были срочно отправлены дети боярские Андрей Щепотев, Нечай Ртищев и принятый на государеву службу атаман Михаил Черкашенин. Они везли запорожским казакам щедрое царское жалованье и «опасную» грамоту их предводителю, которого московские власти звали к себе на службу. 16 октября 1556 года русские посланцы вернулись обратно с обнадеживающим сообщением о том, что Вишневецкий «пошел воевать крымские улусы, <...> служа царю и великому князю». ¹¹⁴

Бои шли и в «Поле». Там продолжал действовать Матвей Иванович Дьяк Ржевский и казачий голова Юрий Михайлович Булгаков, отряд которого доходил до реки Айдар, удаляясь от своих границ на расстояние более 300 верст. Оба воеводы вели активную разведку, сообщая в Москву точные и свежие сведения о противнике. В октябре 1556 года именно от присланных Матвеем Дьяком Ржевским и Юрием Булгаковым крымских языков Иван IV узнал, что «царь» Девлет-Гирей «людей всех распустил, а самому царю и болшим людям не бывать никуда». В «войну» на Русь пошли за «полоном» из улусов лишь небольшие загоны «человек по сту и по полутора, а с ыными двесте, а с ыными по пятидесяти». Большой опасности такие нападения не представляли, поэтому, получив донесения Ржевского и Булгакова, царь приказал отвести полки из Калуги, Воротынского и Козельска и «из украинских городов болших воевод», оставив на рубеже «для малых людей прихода» небольшие заградительные отряды в Калуге, Болхове, Мценске, Корачеве, Деделове, Пронске и Михайлове. ¹¹⁵

Девлет-Гирей был встревожен активностью русских воевод в «Поле», наметившимся союзом Москвы с запорожцами и нападением донских казаков на восточное побережье Крыма. Через русского посла Дмитрия Давыдовича Загряжского он сообщил Ивану Васильевичу о намерении возобновить мирные переговоры с Россией, отпустив пленных, захваченных в Судбищенской битве.

Однако мирные предложения крымского хана не распространялись на запорожцев. Весной 1557 года Девлет-Гирей, не прекращая переговоров о мире с Москвой, с большим войском атаковал казачий городок на Хортице. 24 дня татары пытались овладеть островом, но, потерпев поражение, отошли «с великим срамом». Д. И. Вишневецкий, рассчитывая на помощь и поддержку, поспешил сообщить о своей победе русскому правительству. Однако московский царь, потеряв интерес к продолжению военных действий против Крыма, уже начал подготовку к войне за Ливонию. Вишневецкому пришлось очистить Хортицу, передать Черкасы и Канев литовцам и уйти в Москву, где он был щедро пожалован, получив во владение город Белев «с пригородками и со всеми вотчинами и волостми, да и во иных градах дал ему [государь] многие села подклетные». ¹¹⁶

Начавшаяся Ливонская война отвлекла силы Московского государства на прибалтийский театр военных действий. Этим обстоятельством не замедлил воспользоваться крымский хан, в январе 1558 года пославший на Русь войско под командованием «царевича» Мухаммед-Гирея. Набег произошел в то время, когда московские полки пересекали немецкие рубежи.

Вероломное нападение крымцев вынудило русское правительство принять ответные меры. На р. Псел, в месте впадения ее в Днепр, построили крепость («Псельский город»), ставшую опорным пунктом в возобновившихся военных действиях против Крыма. ¹¹⁷ Тогда же в Москве вспомнили об отозванном с Днепра на Русь князе Вишневецком. В январе 1558

¹¹⁴ Там же. С. 275–276. Во время этого похода кн. Д. И. Вишневецкому удалось захватить Ислам-Кермен, уничтожить гарнизон и, захватив все находившиеся там турецкие пушки, вывезти их к себе на Хортицу.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 275; РК 1475–1598 гг. С. 161.

¹¹⁶ ОР РГБ Ф. 310. № 1110. Л. 219. Князь Д. И. Вишневецкий служил Москве и на южном пограничье, и в союзной русскому царю Адыгее (Черкессии). Но в 1562 году вождь запорожцев вернулся на польскую службу.

¹¹⁷ РК 1475–1598 гг. С. 169.

года его вновь отправили на Днепр, «на Хартушу» (Хортицу), поставив задачу укрепиться в Запорожье и атаковать татарские и турецкие владения. Войско Вишневецкого усилили отрядами испытанных русских «полевых» командиров – И. Ушакова Заболоцкого, Д. Г. Чулкова, Ш. В. Кобякова, М. И. Дьяка Ржевского, А. Щепотева, М. А. Павлова, В. Тетерина, а также несколькими приказами московских стрельцов, и, по-видимому, служилыми казаками.¹¹⁸ Позднее к Дмитрию Вишневецкому присоединился князь А. Зайцев-Вяземский.

Русские и черкасские (запорожские) полки, уничтожая татарские поселения и отряды, вновь прошли вниз по Днепру вглубь неприятельских владений и, считанных верст не дойдя до Перекопа, вернулись к Монастырскому острову, превращенному Дмитрием Вишневецким в новую запорожскую крепость. 12 июня 1558 года (по другим сведениям – 12 июля 1558 года), находясь в походе под Ислам-Керменом (современный украинский город Каховка), Вишневецкий и Вяземский направили в Москву бежавшего из плена касимовского татарина Кочеулая Бастановца Сенгильдеева, сообщившего о готовящемся новом крымском походе на русские «украины».¹¹⁹ («А сказал тот плененик, что он выбежал ис Перекопи, тому в четверг три недели минуло, июля в 8 день. А как он побегал ис Перекопи, а крымской царь со всеми людьми готов в Перекопи, а к турскому царю просить людей послал же. И как турской царь людей ему пришлет на помощь, и тогда крымской царь хочет итти на государевы украины, а того-де не ведомо, на которые места»)¹²⁰

Военные действия продолжались и в 1559 году. В поход, «промышляти крымские улусы», было отправлено 8-тысячное войско Д. Ф. Адашева, а Вишневецкий во главе 5-тысячной рати ходил к Азову. Он должен был на построенных для него кораблях выйти в Азовское море и нанести удар по восточному побережью Крыма, облегчая действия второй русской рати, выступившей вниз по Днепру для нападения на западный Крым. В низовьях Дона Вишневецкому приказали соединиться с отрядом царского постельничего И. М. Вешнякова. Главной целью этой экспедиции являлось так и не осуществившееся строительство на Дону русской крепости. Вместе с казаками Михаила Черкашенина воевода разгромил на реке Айдар татарский отряд в 250 человек, шедший в Казанскую землю, но по неизвестным причинам на Керчь не пошел и вернулся в Москву. С Вишневецким к царю приехал черкесский князь Ичурук, просивший Ивана IV взять Черкессию (современная Адыгея) под свою руку.¹²¹

Главным событием 1559 года стал Крымский поход окольного Даниила Адашева. В нем приняли участие опытные военачальники: Ширяй Кобяков, стрелецкий голова Яков Бундов (в Большом полку), Игнатий Ушаков Заболоцкий и Матвей Дьяк Ржевский (в Передовом полку), почапский наместник Артемий Игнатьев и стрелецкий голова Василий Пивов (в Сторожевом полку). Рать была сосредоточена в новом Псельском городе, откуда, спустившись вниз по Днепру, вышла в Черное море. Внезапной атакой московским воеводам удалось захватить под Очаковым большой турецкий корабль, еще один был взят на «Чюлю-острове».¹²² Нападение русской речной флотилии застало врасплох крымского хана. Высадившись на западном побережье Крыма, Адашев разгромил посланные против него татар-

¹¹⁸ РК 1475–1598 гг. С. 166.

¹¹⁹ РК 1475–1598 гг. С. 167; РК 1475–1602 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 33. Это нападение не состоялось. Войско крымского «царевича» Мухаммед-Гирея действительно собиралось, «разделясь» на три отряда, напасть на рязанские, тульские и каширские места, но, узнав от пленных о том, что на границе находятся полки И. В. Шереметева и Д. И. Вишневецкого, от р. Мечи (в 100 верстах от русского рубежа) повернуло обратно в Крым. – ПСРЛ. Т. 13. С. 314–315.

¹²⁰ РК 1475–1602 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 33.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 315, 320; РК 1475–1598 гг. С. 179; Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // ИЗ. 1950. Кн. 34. С. 261.

¹²² РК 1475–1598 гг. С. 178–179; ПСРЛ. Т. 13. С. 215–216.

ские отряды и, освободив множество русских и литовских полонянников, благополучно вернулся к Монастырскому острову.¹²³

Нападения татар на приграничные места не прекращались ни в этот, ни в последующие годы. Крымские набеги серьезно затрудняли действия русских войск в Прибалтике, оттягивая значительные силы на южные рубежи, которые не удавалось надежно прикрыть. Не удалось отвлечь врага и несколькими ударами, нанесенными по его территории князем Вишневецким со стороны Черкессии, вступившей в союз с Россией.¹²⁴ Отдельные татарские отряды прорывались через русские границы в 1559 и 1560 годах. Руководил этими нападениями на русскую «украину» мурза Дивей. Первый свой удар он направил на Рыльск, уничтожив посад, но городом, где отбивались от татар рыльский наместник, князь Василий Иванович Елецкий, и воевода Петр Дмитриевич Тургенев, овладеть не смог.¹²⁵ В августе того же года отряды Дивей-мурзы (ок. 3 тыс. человек) прорвались «на Потегу» – т. е. через Потужский лес, тянувшийся между Тулой и Зарайском по левому берегу реки Осетра. Русские войска, вышедшие в погоню за уходящим в степь врагом, настигли татар на Дону, но Дивей-мурза приказал перебить «полон» и сумел оторваться от погони. В июле 1562 года последовало новое нападение. В ходе него 15-тысячное войско Девлет-Гирея выжгло посады и разорило окрестности Мценска, Одоева, Новосиля, Болхова, Черни и Белева. В июле, изменив Москве, вернулся на службу к польскому королю предводитель запорожских казаков князь Вишневецкий.¹²⁶ Позже, во время похода в Молдавию, он был взят в плен, выдан турецкому султану и в октябре 1563 года казнен в Стамбуле – князя сбросили с крепостной стены на крюке, засаженном под ребро. В таком состоянии предводитель казаков жил еще 3 дня, пока турки не расстреляли Вишневецкого из луков.

В 1563 году 10-тысячное татарское войско приходило к Михайлову. Командовали им «царевичи» Мухаммед-Гирей и Алды-Гирей и Дивей-мурза, чьи загоны приходили на делиловские, пронские и рязанские места. В том же году Иван IV приказал оставить и разорить Псельский город, существование которого беспокоило не только крымского хана, но и литовскую, и польскую сторону.¹²⁷ Это стало вынужденным действием. Война в Ливонии затягивалась, поэтому московский царь решил без особой необходимости не раздражать Девлет-Гирея. Оборона южной границы принимала пассивный характер. Существовавшие небольшие порубежные крепости не могли полностью защитить страну от вражеских нашествий. По этой причине в бассейне реки Упы было построено несколько новых городов: «город на Плове» (1560), «город на Солове» (1562), Крапивна (1562). Весной 1563 года на реке Зуше был восстановлен Новосиль.¹²⁸ Предпринятые меры оказались своевременными – очень скоро обстановка на этом рубеже резко обострилась.

Настоящее нашествие обрушилось на Рязанскую землю осенью 1564 года. 60-тысячная крымская армия во главе с самим Девлет-Гиреем и двумя его сыновьями три дня (по другим сведениям – четыре) «приступала» к Рязани (Переяславлю Рязанскому). И хотя горожанам

¹²³ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 612–621; РИБ. Т. 31. Стлб. 240. С Монастырского острова Д. Ф. Адашев послал в Москву «с сеунчом» князя Ф. И. Хворостинина. По традиции, отличившиеся воеводы были награждены золотыми монетами, которые привез к войску князь Ф. М. Лобанов-Ростовской. – РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 47; ПСРЛ. Т. 13. С. 319. Вопреки этим фактам, А. А. Зимин считал поход Д. Ф. Адашева неудачным предприятием, писал, что он лишь вызвал «раздражение у своенравного монарха» – Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 81. Согласиться с этим утверждением советского историка нельзя. Вряд ли небольшое (8-тысячное) войско Адашева могло свершить больше того, чего оно добилося в походе 1559 года. К тому же, сомнительно, что царь стал бы награждать воевод, вызвавших его неудовольствие.

¹²⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 262–263; Загоровский В. П. Указ. соч. С. 136.

¹²⁵ РК 1475–1598 гг. С. 188–189.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 328 (Поход Дивей-мурзы 1560 года), 342 (Поход Девлет-Гирея 1562 года), С. 324 (измена Вишневецкого).

¹²⁷ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 10. Л. 59 об.

¹²⁸ Загоровский В. П. Указ. соч. С. 98–101.

удалось отбиться с помощью оказавшихся в своих рязанских поместьях и севших в осаду воевод А. Д. и Ф. А. Басмановых, однако татары сильно разорили окрестные места: «многие волости и села повоевали меж Проньска и Рязани по реку по Вожу, а за город до Оки-реки до села Кузминского».¹²⁹

Пробыв в Рязанской земле 6 дней, крымцы отошли в степи. Позже один из татарских отрядов под командованием «ширинского князя» Мамай численностью около 4 тыс. человек от рубежа вернулся, но был разбит войсками А. Д. Басманова и пришедшего к нему на помощь из Михайлова воеводы князя Ф. И. Татеева. Большинство крымцев погибло, а 500 человек вместе со своим предводителем попали в плен.¹³⁰

Осенью 1565 г. войско Девлет-Гирея приходило под Болхов. Действия направленной против татар русской рати оказались неудачными из-за местнического спора, произошедшего между воеводами Передового полка П. М. Щенятевым и И. В. Шереметевым. Царю пришлось отправлять к Болхову опричное войско во главе с А. П. Телятевским, Д. И. и А. И. Хворостиниными. Узнав о приближении свежих русских сил, 9 октября 1565 года Девлет-Гирей ушел из-под Болхова. Выявленные в ходе этого набега недостатки в организации обороны южных «украин» вынудили правительство осенью 1566 года начать строительство на болховском рубеже новой крепости Орел.¹³¹

Нехватка войск на южном порубежье вынуждала правительство форсировать завершение грандиозных оборонительных работ по всей пограничной линии, начатых еще в начале 20-х годов XVI века. Ежегодно там трудились тысячи посошных людей, собранных из различных уголков страны, возводивших засеки от северских городов до мещерских лесов, стараясь управиться до той поры, «когда лес листом оденется». После этого работы прекращались, чтобы возобновиться весной следующего года. Возводились новые укрепления и регулярно возобновлялись старые фортификационные сооружения по «Берегу» – второму рубежу русской обороны. Их грандиозные размеры поразили Генриха Штадена, сохранившего подробное описание существовавшей здесь укрепленной линии. По его словам, Ока была «укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землею, выкопанной за задним частоколом».¹³²

Вопреки всем затраченным усилиям, остановить татарские набеги не удавалось. Тактика пассивной обороны на хорошо укрепленных, но недостаточно прикрытых войсками рубежах позволяла татарам, используя малейшие ошибки русских воевод, прорываться в приграничные уезды, разоряя их и угоняя в плен местное население. За 25 лет Ливонской войны лишь в 1566, 1575 и 1579 годах источники не зафиксировали сообщений о нападениях крымских татар.¹³³ Таким образом, тяжелая война на два фронта – в Прибалтике и на южных границах – стала реальностью, во многом предопределившей неудачный исход начатой Иваном IV в 1558 году борьбы за Ливонию.

Первоначально крымцам не удавались глубокие рейды в глубь русской территории. Осенью 1568 года отряды Шифир-мурзы Сулешова приходили на одоевские, чернские и белевские места, однако поспешно отступили, узнав о приближении к этим уездам русских

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 338.

¹³⁰ ПЛ. Вып. 2. С. 246. Сведения Псковской летописи в данном случае очень точны. Действительно, князь Ф. И. Татеев-Хрипунов в том году был воеводой в Михайлове – РК 1475–1598 гг. С. 207.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 405. Новый город получил название по р. Орлея (совр. Орлик), на берегу которой он был поставлен – недалеко от места впадения этой реки в Оку. – Загоровский В. П. Указ. соч. С. 103.

¹³² Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 110.

¹³³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 17.

войск. В том же году на южной границе, в верховьях Дона, был восстановлен город Донков (первоначальное название в XVIII веке изменилось на Данков).¹³⁴

Полным провалом завершилась попытка захвата Астрахани, предпринятая турецкими и татарскими войсками в 1569 году. В случае успеха этого предприятия султан Селим II и его ближайший советник Мехмед Соколлу рассчитывали установить свой контроль над Средним и Нижним Поволжьем и пресечь опасное для Османской империи продвижение русских войск и казаков на Кавказ.¹³⁵ Подготовка к походу началась еще в 1568 году. А весной следующего 1569 года по приказу Селима II в Кафу было переброшено 17-тысячное турецкое войско. На гребных судах османы собирались подняться Доном от Азака до Переволоки, а затем проложить канал между Доном и Волгой. После чего, переведя на Волгу корабли с артиллерией, турецким янычарам и сипахам предстояло спуститься к Астрахани и захватить ее. Новым астраханским ханом предстояло стать Крым-Гирею, сыну хана Сагиб-Гирея.¹³⁶ Вместе с турецкими войсками должна была действовать Крымская орда хана Девлет-Гирея. Возглавить поход султан поручил кафинскому паше, беклербеку Касиму.

Астраханский поход начался в начале июля 1569 года. От Кафы до Переволоки 100 турецких галер с погруженными на них пушками шли 5 недель. 15 августа они достигли места, где ближе всего сходятся реки Дон и Волга.¹³⁷ На Переволоке к турецкой армии присоединилось 50-тысячное татарско-ногайское войско. Однако осуществить задуманный в Стамбуле проект постройки канала Дон – Волга не удалось. Попытка перетащить «каторги» на Волгу волоком также провалилась.¹³⁸ Беклербеку Касиму пришлось вернуть корабли и тяжелую артиллерию в Азов и идти на Волгу походным порядком.

Астрахань к тому времени была перенесена на новое, более защищенное место. Поиск его начали вскоре после покорения Нижнего Поволжья. В результате город решили строить на Саинчем бугристом острове (Шабан-бугре), русскими переименованном в Заячий остров (Заячий бугор). Это место находилось в 12–13 км от старого города, ниже по течению Волги, при впадении в нее реки Кутум.

К новой Астрахани турецко-татарская армия вышла 16 сентября.¹³⁹ Несмотря на помощь местных татар и ногайцев, паша Касим не решился штурмовать расположенную на Заячьем острове хорошо укрепленную крепость, гарнизон которой в начале 1569 года пополнил отряд окольного Д. Ф. Карпова. Огонь русских пушек и удобное расположение новой русской твердыни не позволили туркам начать осадные работы и блокировать город.¹⁴⁰

Убедившись в бесплодности своих действий, турецкий паша отвел войска от неприступной крепости и встал лагерем на старом городище, готовясь по повелению султана зимовать под Астраханью. Татарское войско должно было вернуться в Крым, однако известие об этом всколыхнуло всю турецкую армию, измученную тяжелым походом и ожиданием новых испытаний. Тем временем пришедшая с севера русская «плавная рать» кн. П. С. Серебряного и З. И. Сабурова смогла перерезать пути снабжения турецкой армии из астраханских и ногайских кочевий, обрекая ее на полуголодное существование. 26 сентября 1569 года Касим

¹³⁴ РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 238; Загоровский В. П. Указ. Соч. С. 148.

¹³⁵ Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 156–157.

¹³⁶ Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962. С. 13.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1569 г. № 2. Л. 69; Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Приложение 1. С. 155.

¹³⁸ Садиков П. А. Указ. соч. Приложение 2. С. 165.

¹³⁹ Вскоре после покорения Астрахани был начат поиск места для строительства укрепленной крепости. В результате новый город решили строить на Шабан-бугре (Саинчий бугор, русские назвали его Заячьим), который находился на 12–13 км ниже по течению Волги, при впадении в Волгу р. Кутум.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1569 г. № 2. Л. 104.

приказал начать отступление на Дон самым коротким путем – по Кабардинской дороге.¹⁴¹ Вскоре оно превратилось в настоящее паническое бегство. Во время труднейшего пути, проходившего через безводные степи, турецкая армия потеряла умершими едва ли не три четверти своих воинов. Остатки войска, добравшиеся 24 октября 1569 года до Азова, попытались эвакуировать морем, но часть кораблей погибла во время бушевавших тогда осенних штормов.¹⁴² Из 2000 участвовавших в походе янычар в Турцию вернулось всего 700 пехотинцев.

Неудача Астраханского похода беклербека Касим-паши не отбила у Девлет-Гирея желания воевать с Россией. Уже в мае следующего года его орда выступила в поход. Движение крымских войск не осталось незамеченным. Путивльский наместник П. И. Татев прислал в Москву с сообщением о готовящемся нападении обнаружившего врага «донецкого сторожа» Абрама Алексеева, но тот лишь ненамного опередил врага, вторгшегося в Рязанскую землю.¹⁴³ Весь приграничный край подвергся страшному опустошению. Часть татарских «загонов» проникла и в Каширский уезд. Русским воеводам – князьям Д. И. Хворостинину и Ф. И. Львову – 21 мая 1570 года за Зарайском удалось разгромить один из таких «загонов» и освободить многих пленников, но опасность повторных татарских нападений сохранялась до конца лета – начала осени 1570 года.

Обстановка на границе оставалась очень напряженной. Русские разведчики передавали, что в степи «стоят люди многие крымские», а от табунов их «прыск и ржание великое», что «месечных сторожей на Обыкшенской да на Балыклейском громили татар человек с пятьсот и голову их Капусту Жидовинова взяли да товарищев их дву человек убили», писали и о других приготовлениях «крымских людей» к походу на Русь.¹⁴⁴ Сообщения становились все тревожнее. Некоторые разведчики приносили вести, что видели огромное 30-тысячное татарское войско, идущее к границе 30 дорогами. Дважды в это лето царь выдвигал на «Берег» новые подкрепления, сам выезжал туда «искати прямого дела» с врагом. Но крымского нападения не произошло. А царь выступил с войсками из Александровской слободы в Серпухов (16 сентября 1570). На «Берегу» он пробыл 3 дня, потом, узнав, что «станишники», сообщившие о приближении татарского войска, «солгали», вернулся обратно. Все же в Коломне, Кашире, Серпухове и Тарусе были оставлены земские и опричные воеводы с полками. Тревога, поднятая паническими сообщениями дозорных улеглась только после приезда из Путивля в Серпухов станичного головы Ширяя Сумороцкого. Он сообщил царю, что проехал всю степь до устья Айдара, но не обнаружил ни одной татарской сакмы.¹⁴⁵ Выявившиеся недостатки в организации станичной и сторожевой службы встревожили русское командование и вынудили его принять должные меры. Началась реорганизация дозорной службы «на Поле». Зимой 1570/1571 годов ею занялся известный военачальник князь М. И. Воротынский.

Девлет-Гирей отложил большой поход на Русь до весны следующего года. Начавшееся в 1571 году восстание в Казанской земле и возобновление ногайских нападений на русские границы значительно ухудшили положение Московского государства.

Одно из самых страшных татарских нашествий на Россию произошло в 1571 году. С весны на Оке, в районе Коломны, стояли немногочисленные земские полки во главе с воеводами И. Д. Бельским и М. Я. Морозовым (в Большом полку), И. Ф. Мстиславским (в полку Правой руки), И. П. Шуйским (в полку Левой руки), М. И. Воротынским (в Передо-

¹⁴¹ Садиков П. А. Указ. соч. Приложение 1. С. 157.

¹⁴² Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 г. С. 41.

¹⁴³ РК 1550–1636 гг. С. 174.

¹⁴⁴ РК 1475–1598 гг. С. 233, 234–235.

¹⁴⁵ РК 1475–1598 гг. С. 233, 234–237; РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 263–270.

вом полку) и И. А. Шуйским (в Сторожевом полку). Под их командованием находилось не более 6 тыс. воинов.¹⁴⁶ Получив достоверные известия о готовящемся татарском нападении на Русь, 16 мая 1571 года из Александровской слободы к «Берегу» выступило опричное войско во главе с Иваном Грозным и его доверенными воеводами Д. А. Бутурлиным, В. Ф. Ошаниным, Ф. М. Трубецким и Ф. И. Хворостининым.¹⁴⁷ Царь со своими полками собирался стать в Серпухове.

Девлет-Гирей, знавший от пленных и перебежчиков о бедствиях, обрушившихся на Московское государство – море и «меженине» (засухе), о продолжающейся войне в Ливонии, о сосредоточении немногочисленных русских полков лишь на «перелазах» (переправах) через Оку в районе Коломны и Серпухова, выступил в свой самый успешный поход на Русь. Сведения, убедившие хана действовать смелее, доставили галицкий дворянин Б. Ю. Сумароков (перебежал к татарам на реке Молочные Воды), а также дети боярские К. Тишенков и О. Семенов, калужские служилые люди Ж. В. и И. В. Юдиновы, каширянин С. Лихарев по прозвищу Сотник, некто Русин из Серпухова и 10 их слуг. Эти изменники переметнулись к татарам уже на русской территории, в Болховском уезде.

Первоначально Девлет-Гирей собирался ограничиться набегом на козельские земли и повел войско к верховьям Оки. Форсировав эту реку через Быстрый брод, татарская армия стала продвигаться к Болхову и Козельску. Но на «Злыньском поле» хан принял предложение одного из перебежчиков, белевского сына боярского Кудеяра Тишенкова, идти к Москве. Изменник обещал хану провести крымское войско через неохранные «перелазы» в верховьях р. Жиздры, там, где еще не ходило крымское войско. Этот обходной маневр стал для русских воевод полной неожиданностью. В середине мая 1571 года 40-тысячная татарская армия в районе Перемышля перешла Жиздру и начала обходить расположение опричного войска с тыла, выдвигаясь в направлении Москвы.¹⁴⁸ Внезапной атакой противник разгромил отряд царского кошевого воеводы Я. Ф. Волынского. Только тогда Иван IV узнал о прорыве вражеского войска за окский рубеж («Берег») и приближении татарской конницы к его стану. Русские войска были растянуты вдоль Оки и могли быть уничтожены по частям. Опасаясь за свою жизнь, царь, с которым в Серпухове было 6 тыс. опричников, ушел мимо Москвы в Ростов.

Оставшиеся на Оке русские воеводы, получив сообщение о начавшемся наступлении врага, также снялись со своих позиций и быстрым маршем двинулись из Коломны к столице. Им предстояло опередить направляющуюся туда же крымскую армию. 23 мая (в канун Вознесеньева дня) русские полки подошли к Москве – всего на сутки раньше войск Девлет-Гирея. Задержал неприятеля, хотя и ненадолго, оставленный в качестве заслона небольшой отряд под командованием опричного воеводы Я. Ф. Попадейкина-Волынского. Уничтожив его, татары заняли пригородные села. Сам хан остановился в Коломенском, а его сыновья – в Воробьеве.¹⁴⁹ Отступившие с Берега полки И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского встали в

¹⁴⁶ Борисов Н. С. Русские полководцы XIII–XVI вв. М., 1993. С. 158

¹⁴⁷ РК 1475–1598 гг. С. 239.

¹⁴⁸ О численности татарского войска см.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // РИЖ. Пг. 1922. Кн. 8. С. 52. В отечественной исторической науке сложилось несколько устойчивых мифов об этом татарском нашествии. Так, А. А. Зимин, вслед за автором Пискаревского летописца, спутавшим маршруты движения крымского войска в 1571 и 1572 годах, полагал, что татарское войско в мае 1571 года наступало на Москву через тульские места. – См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 452. Другой историк, Б. Н. Флоря, утверждал, что К. Тишенков, явившийся (с другими перебежчиками) к стоявшему на «Злыньском поле» хану, предложил ему перевести татарское войско через р. Оку (Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 264). Злыньское поле находится южнее Болхова, уже за Окой (См. об этом Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 165), понятно, что изменник мог обещать провести татар лишь через лежавшую у них на пути Жиздру.

¹⁴⁹ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 53. О действиях отряда Якова Федоровича Попадейкина-Волынского см.: Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. С. 184.

Замоскворечье и за Москвой-рекой и приняли бой с подошедшим татарским войском. Кроме земской армии в обороне Москвы принял участие опричный полк В. И. Темкина-Ростовского.¹⁵⁰

После первых стычек, закончившихся в пользу русских (в одном из боев был тяжело ранен воевода Иван Дмитриевич Бельский), Девлет-Гирей, остановившийся, как было сказано выше, в селе Коломенском, послал 20 тыс. татар к стенам Москвы, приказав поджечь городские предместья. Благодаря поднявшемуся сильному ветру пламя из пригородных слобод перекинулось на город, за три часа выгоревший почти целиком. От взрыва складированных в башнях Кремля и Китай-города запасов пороха сильно пострадали крепостные укрепления. По свидетельству немцев-опричников И. Таубе и Э. Крузе, «произошел такой пожар, и Богом были посланы такая гроза и ветер и молнии без дождя, что все люди думали, земля и небо должны разверзнуться. Татарский царь сам был так сильно поражен, что отступил немного со всем своим лагерем и должен был снова устраивать лагерь. И в три дня Москва так выгорела, что не осталось ничего деревянного, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать коня. Огонь охватил также пороховой склад, стены которого были больше 50 сажен, и сожрал все, что еще оставалось; все двери в замке и городе, наполненном мертвыми телами, выгорели».¹⁵¹

Во время пожара погибло множество москвичей. В числе задохнувшихся от дыма был большой воевода земской рати князь И. Д. Бельский – получивший раны в предыдущих боях, он был на своем дворе, попытался найти укрытие от огня в каменном погребе, где и погиб.¹⁵² Однако русские войска, находившиеся «на лугах», прежде всего Передовой полк М. И. Воротынского, сохранили боеспособность. Поэтому 25 мая 1571 года Девлет-Гирей повернул свои войска в направлении Каширы и Рязани, распустив часть отрядов в «войну», для захвата «полон»». Вскоре отягощенные добычей и огромным числом пленных крымцы двинулись обратно. Возвращаясь в свои улусы, татары прошли через Рязанскую землю. Следовавший за отступающим неприятелем полк Михаила Воротынского в силу малочисленности не смог помешать противнику опустошить и разорить весь край, о чем вспоминал позднее в своих записках Г. Штаден: «Ваше римско-кесарское величество усмотрите также, какие огромные убытки причинил крымский царь великому князю и его стране. И если великий князь правил бы еще сотню лет и даже более того <...> то и тогда он не мог бы преодолеть того разорения, какое крымский царь причинил Москве и Рязанской земле». И ниже: «Рязанскую землю крымский царь опустошил; великий князь держит [там] по деревянным острогам (Heusern) или замкам лишь некоторое количество стрельцов. Все князья и бояре вместе с их крестьянами уведены из Рязанской земли в Крым в полон».¹⁵³

Помешать отступлению татар русские воеводы не смогли, хотя и двигались к рубежу вслед за ними. Именно тогда был уничтожен врагами город Кашира.¹⁵⁴

15 июня 1571 года к вернувшемуся из Ростова в подмосковное село Братошино царю Ивану Грозному прибыли крымские послы, угрожавшие новым вторжением, требуя вернуть Девлет-Гирею его «юрты» – Казань и Астрахань. Царь серьезно отнесся к этим угро-

¹⁵⁰ Большой полк полк расположился на Большой Варлаамской улице и в устье Яузы; полк Правой руки – в Замоскворечье на Якиманке (недалеко от стрелецких слобод); Передовой полк – на Таганском лугу, «против Крутицы». Опричный полк В. И. Темкина-Ростовского находился за р. Неглинной. – Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 453–454; Пенской В. В. Указ. соч. С. 184–185.

¹⁵¹ Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе. С. 53.

¹⁵² Во время пожара 1571 года погиб не только князь И. Д. Бельский, но и еще один боярин – Михаил Иванович Воронцов. – РГАДА. Ф. 188. Рукописные собрания РГАДА. Оп. 1. № 38. Л. 2; РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 307.

¹⁵³ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 60–61.

¹⁵⁴ ПКМГ. СПб., 1877. Ч. 1. отд. 2. С. 1299. Утверждение Р. Г. Скрынникова о разорении татарами во время этой «войны» 36 городов к югу от Оки (Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 128) источниками не подтверждается.

зам и согласился передать крымскому хану Астрахань, хотя признавал опасность воссоздания мусульманских ханств на Волге.¹⁵⁵ Однако Девлет-Гирей отказался пойти на компромисс, поэтому возобновление войны между Москвой и Крымом стало неизбежным.

В новый поход на Русь крымский хан повел 40 тыс. армию (по другим, явно преувеличенным сведениям, Девлет-Гирей смог собрать 120 тыс. человек).¹⁵⁶ Она состояла из татар, ногайцев и 7 тыс. турецких янычар. Хан не сомневался в успехе нового похода, расписав и разделив русские города и уезды между находившимися при нем мурзами.¹⁵⁷

В Москве также готовились к новым сражениям. В апреле в Коломне был проведен смотр собранных войск. Во главе двинутой к южному рубежу ратей царь поставил М. И. Воротынского, прославившегося участием во многих походах и битвах того времени. Театр военных действий им был изучен досконально – в 1571 году Михаил Воротынский руководил составлением первого русского воинского устава – «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе», реорганизовавшего службу охраны южнорусских рубежей.

С весны 1572 года стеречь рубежи «от Поля по украинам» были поставлены новые воеводы, начавшие готовить свои крепости к возможному приходу татарских полчищ. Разрядные книги упоминают следующих воевод: кн. Ю. К. Курлятева и В. И. Коробьина в Донкове, кн. А. Д. Палецкого и М. Назарьева на Дедилове, кн. М. Ю. Лыкова в Новосили¹⁵⁸ (на реке Зуше), Д. А. Замыцкого в Мценске, В. Г. Колычева и Д. Ф. Ивашкина на Орле, Л. З. Новосильцева в Рязке, кн. И. И. Лыкова в Болхове, Г. М. Кульнева в Карачеве, кн. Г. И. Рыжкова Долгорукого в Шацке, кн. Б. В. Серебряного в Брянске, М. В. Тюфякина в Стародубе, Ф. Ф. Нагого в Чернигове, кн. И. Г. Щербатого в Новгороде-Северском, кн. Г. И. Коркодинова в Путивле, кн. Д. В. Гундорова в Рыльске, Я. И. Судимонтова в Рославле.¹⁵⁹

Армия Воротынского насчитывала, по спискам, 20 034 человек, а с боевыми холопами – до 50 тыс. человек.¹⁶⁰ Вместе с казаками и другими формированиями, привлеченными к обороне «Берега», ее состав можно определить в 73 тыс. человек.¹⁶¹ Полки размещались в городах по Оке, вдоль которой были восстановлены старые укрепления.

Предваряя перечень полковых воевод армии Воротынского, следует отметить важное обстоятельство: впервые под единым командованием военачальника из «земщины» находились и земские, и опричные войска. Большой полк под командованием М. И. Воротынского и И. В. Шереметева встал в Серпухове;¹⁶² полк Правой руки Н. Р. Одоевского и Ф. В. Шереметева – в Тарусе; полклевой руки А. В. Репнина и П. И. Хворостинина – на Лопасне; Передовой полк А. П. Хованского и Д. И. Хворостинина – в Калуге; Сторожевой полк И. П.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 123. Кн. 12. Л. 402 об. – 403. Позже, уже после победы своих войск в сражении при Молодях, отвечая на повторное требование Девлет-Гирея отдать ему Казань и Астрахань, московский царь заявил послам крымского хана: «Ныне [над Русским государством] одна сабля – Крым», но если он уступит Среднее и Нижнее Поволжье (территорию бывших Казанского и Астраханского юртов), – «тогда другая сабля будет Казанская земля, третья сабля будет астороханская, четвертая – ногаи, а только Литва не помиритца, ино пятая сабля будет». – РГАДА. Ф. 123. Кн. 14. Л. 180.

¹⁵⁶ Пенской В. В. Указ. соч. С. 230–231.

¹⁵⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 111–112; ПСРЛ. Т. 34. С. 192. По другим сведениям, хан Девлет-Гирей разделил между своими мурзами даже московские улицы – ОР РГБ. Ф. 310. № 310. № 754. Л. 377 об.

¹⁵⁸ В 1572 году в Новосили «годовал» воевода Василий Измайлов.

¹⁵⁹ РК 1475–1598 гг. С. 246.

¹⁶⁰ Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // ИА. 1959. № 4. С. 166–183; Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 154. По подсчетам В. В. Пенского, русская «береговая» рать насчитывала 30–35 тыс. чел., но без учета кошевых людей. – Пенской В. В. Указ. соч. С. 212.

¹⁶¹ В Московском летописце подробно перечислены различные части стоявшей на Оке армии. Помимо 50-тысячного разрядного войска здесь находились: «литвы, немец, черкас каневских 1000, казаков донских, волских, вятчен, коряковцов и иных 5000» (ПСРЛ. Т. 34. С. 223). 1000 вооруженных пищальями казаков прислали за свой счет в Серпухов богатейшие русские солепромышленники Строгановы (Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 34).

¹⁶² Здесь же, в Серпухове, находился «гуляй-город» (подвижная сборная крепость), которым ведали воеводы от «наряда» – князья С. И. Коркодинов и З. И. Сугорский. – РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 308.

Шуйского и В. И. Умного-Колычева – на Кашире.¹⁶³ Воеводы «украинных» городов (Дедилова, Донкова, Орла, Новосили, Ряжска, Епифани, Шацка, Пловы и Соловы) получили приказ при появлении врага с частью своих ратей немедленно отойти назад, к Оке, и соединиться здесь с главными силами, укрепившись их перед решающей схваткой с татарами.¹⁶⁴ В полном составе остались лишь гарнизоны Михайлова, Зарайска и Одоева, находившиеся на самом опасном направлении.

Несмотря на принятые меры, у царя Ивана Васильевича не было полной уверенности в возможности русской армии остановить вторжение татар на Окском рубеже. Поэтому после апрельского смотра сосредоточенных в Коломне войск он уехал в Новгород, куда еще зимой 1571/1572 годов отправил 450 возов с государственной казной.¹⁶⁵ В Новгороде Иван Грозный написал духовную грамоту – завещание, отметив факт своего «скитания по странам» и изгнаннычества «от бояр», которых он обвинял не только в самовольстве, но и в тайном пособничестве татарам.¹⁶⁶

К счастью, страхи царя оказались напрасными – нападение врага удалось отбить, несмотря на то, что и в этом году русские сторожи не смогли своевременно сообщить о приближении к рубежам крымских войск, узнать их численность и направление движения.

Девлет-Гирей, полагаясь на многочисленность своей армии, шел прямо к главным «перелазам» через Оку. В ночь на 27 июля 1572 года ногайский отряд мурзы Теребердея, шедший в авангарде крымских войск, стремительным ударом сбил русскую заставу, прикрывавшую «Сенькин перевоз». Находившиеся на «Берегу» 200 детей боярских отступили, а татары стали разрушать укрепления на московской стороне реки. Другой неприятельский отряд, которым командовал Дивей-мурза, овладел окским «перелазом» рядом с устьем р. Протвы, «против Дракина». Несмотря на захват второго плацдарма, главные силы татарской армии начали переправляться через «Сенькин брод». Русские воеводы, находившиеся в Кашире (Сторожевой полк И. П. Шуйского и В. И. Умного-Колычева) и Тарусе (полк Правой руки Н. Р. Одоевского и Ф. В. Шереметева) не успели прикрыть эти переправы и помешать сосредоточению врага для решающего броска к Москве.

В ночь на 28 июля 1572 года прорвавшаяся через окский рубеж армия Девлет-Гирея по серпуховской дороге двинулась к Москве.¹⁶⁷ В этот роковой час самым решительным образом действовал воевода Михаил Воротынский. Находившийся под его командованием Большой полк, оставив позиции под Серпуховом, пошел к Москве вслед за крымской армией, отрезая ей пути отступления. С флангов от Калуги наперерез прорвавшимся татарам шли Передовой полк А. П. Хованского и Д. И. Хворостинина, от Каширы – Сторожевой полк И. П. Шуйского и В. И. Умного-Колычева.

30 июля на реке Пахре, у деревни Молоди, в 45 верстах от Москвы, Передовой полк А. П. Хованского и Д. И. Хворостинина настиг арьергардные отряды армии Девлет-Гирея и

¹⁶³ РК 1475–1598 гг. С. 246–247.

¹⁶⁴ Документы о сражении при Молодах. № 4. С. 174–177.

¹⁶⁵ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 450, 475.

¹⁶⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 104. С. 426–428. С подзрениями царя об измене ряда видных военачальников, якобы сговорившихся с крымским ханом, А. А. Зимин связывал казнь М. И. Воротынского, Н. Р. Одоевского и М. Я. Морозова (Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 10–11). Эта гипотеза ничем не подтверждается, но фактом остается глубокое убеждение Ивана IV в том, что Кудеяр Тишенков и другие перебежчики действовали в согласии с недовольными царем боярами. Сохранилась крестоцеловальная грамота князя И. Ф. Мстиславского, который уже летом 1571 года «признался», что «всей Русской земле изменил, навел еси с моими товарищи безбожного крымского Девлет-Кирея царя». Впрочем, никакого наказания он не понес, что ясно показывает надуманный характер таких обвинений в адрес одного из самых видных государственных деятелей России второй половины XVI в. (СГГД. Ч. 1. № 196. С. 562). Следствие о «крымской измене» продолжалось и в 1574 году, много позже ареста и казни М. И. Воротынского, Н. Р. Одоевского и М. Я. Морозова – Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Смесь. С. 32.

¹⁶⁷ РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 311.

разгромил их. Встревоженный ударом русской конницы, хан остановил наступление и начал отвод своих войск из-за Пахры. Пока же крымский правитель направил против войск Хованского и Хворостинина находившийся при нем 12-тысячный отряд, вступивший в сражение с русскими дворянскими сотнями.¹⁶⁸ Умело маневрирующий Передовой полк, отступая, подвел противника под удар подошедшего к месту боев Большого полка, укрепившего позиции спешно поставленным «гуляй-городом». Начавшееся небольшими стычками, столкновение у Молодей переросло в большое сражение, от исхода которого зависела судьба всей войны.¹⁶⁹

Под прикрытием ружейного и артиллерийского огня засевших в «гуляй-городе» стрельцов и немецких наемников дворянские конные сотни контратаковали татар, затем снова отходили за линию щитовых укреплений, потом вновь устремлялись на врага. Во время одной из атак суздальский сын боярский, Иван (Темир) Шибанов сын Алалыкин, пленил татарского военачальника Дивея-мурзу, неосторожно приблизившегося к русским позициям. После этого успеха «татарский напуск стал слабее прежнего, а русские люди поощрялись и, вылазя, бились и на том бою татар многих побили».¹⁷⁰ Тогда же погиб ногайский мурза Теребердей и был захвачен еще один знатный пленник – кто-то из астраханских царевичей. Вскоре сражение начало стихать, возобновившись через два дня, в течение которых происходили короткие столкновения конных разъездов. Получив известие о шедших к русским воеводам подкреплениях, Девлет-Гирей решил использовать последний шанс и повел свои войска в решительную атаку. 2 августа крымская армия штурмовала «гуляй-город», стремясь разгромить противника и отбить Дивея-мурзу. Во время ожесточенного сражения под стенами деревянной крепости Большой полк под командованием М. И. Воротынского смог обойти неприятельскую армию, нанеся мощный удар с тыла. Одновременно противник был атакован находившимися в «гуляй-городе» отрядами русской и наемной немецкой пехоты, оставшимися там под началом князя Д. И. Хворостинина.¹⁷¹

Не выдержав двойного удара русских войск, татары отступили, понеся в последних боях колоссальные потери. Среди погибших оказались сыновья хана Девлет-Гирея; при штурме «гуляй-города» полегла турецкая янычарская пехота. В ночь на 3 августа крымская армия поспешно отступила на юг, преследуемая русскими отрядами. Стараясь оторваться от погони, Девлет-Гирей выставил несколько заслонов, которые были уничтожены преследователями. Из татарской армии, перешедшей в июле 1572 года русскую границу, в Крым вернулось около 20 тыс. человек.¹⁷²

Успех сопутствовал русским войскам и на других фронтах. В 1573 году волжскими казаками был разгромлен город Сарайчик – столица Большой Ногайской Орды. Против восставших в Казанской земле марийцев Луговой и Горной стороны царь направил войско Н. Р. Одоевского и И. П. Охлябинина, нанесшее ряд тяжелых поражений мятежникам. Новый поход в Поволжье планировался осенью 1573 года, однако, узнав о сосредоточении в Муроме крупных русских сил, черемисы прислали туда с повинной своих представителей, и кампания была отменена. Капитуляцию приняли с условием постройки на марийской территории

¹⁶⁸ Документы о сражении при Молодах. № 4. С. 180.

¹⁶⁹ А. А. Зимин полагал, что Большой полк оставался у Серпухова, куда отступил под натиском татар полк Хованского и Хворостинина. Там якобы войска М. И. Хворостинина и приняли первый бой, укрывшись за стенами «гуляй-города» (Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 473). Однако в таком случае остается непонятным, как в условиях продолжающихся столкновений уже 30 июля и Большой полк и, что важнее, тот же «гуляй-город», оказались у деревни Молоди.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 225.

¹⁷¹ О значении «гуляй-города», о стены которого разбились татарские атаки, см.: Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 111.

¹⁷² Документы о сражении при Молодах. № 4. С. 180; Бурдей Г. Д. Молодинская битва 1572 г. // Уч. зап. Института славяноведения. Т. 26. М., 1963. С. 48–79.

новой крепости – «Царева города» на Волге, между устьями рек Большая и Малая Кокшага (Царевококшайска). Строительство здесь началось в апреле 1574 года.¹⁷³

Победа при Молодях и возникшая вскоре война между Османской империей и Персией на время приостановили крымскую и турецкую агрессию. Русскую границу продолжали тревожить лишь небольшие татарские набеги. Такие нападения произошли и в 1573, и в 1574 годах. Совершены они были исключительно с грабительскими целями. В сентябре 1573 года «крымские царевичи» приходили на рязанские места. Это был обычный набег, так как в столкновение с направленным против них войском князя С. Д. Пронского, заменившего казненного М. И. Воротынского, татары вступать не стали, быстро отойдя в степь. Русские воеводы, преследуя их, «ходили до Верды реки, [но] татар не дошли» и «полона» отбить не смогли.¹⁷⁴ Осенью 1574 года пришедшие в Рязанскую землю татарские отряды были настигнуты и разбиты тульским воеводой князем Б. В. Серебряным в урочище Печерниковы Дубровы к югу от реки Прони.¹⁷⁵ Небольшие нападения на приграничные земли происходили в 1576, 1578, 1579, 1580 годах (В 1577 году умер хан Девлет-Гирей и нападений не было: царевичи и мурзы приноравливались к новому хану – Мухаммед-Гирею II). Какие-то боевые действия шли на южном рубеже и в 1581 году, так как именно тогда был убит новосильский воевода князь С. И. Коркодинов.¹⁷⁶ В то же время стоит отметить, что по своим масштабам эти набеги не шли ни в какое сравнение с чрезвычайно опасными нападениями прошлых лет. Воспользовавшись затишьем на южных границах и заручившись поддержкой германского императора Максимилиана II, претендовавшего на вакантный королевский престол Речи Посполитой и обещавшего Ивану Грозному заключить с ним почетный мир при условии совместных военных действий против Турции и Крыма, московский царь начал подготовку к широкомасштабным военным действиям на юге. На организацию будущего похода была выделена огромная по тем временам сумма – 40 тыс. рублей. В ожидании, казалось бы, неизбежного избрания Максимилиана II новым польским королем, Иван IV в мае 1576 года встал с войсками в Калуге, распределив полки на «берегу» и «по украинным городом». На реках бассейна верхнего Дона готовилась «судовая рать», в которую вошли опытные корабли с Вятки, Двины и Волги.¹⁷⁷ На Днепр, к запорожскому гетману Богдану Ружинскому, царь послал большую денежную казну, запасы пороха и свинца. На помощь ему выступили отряды московских служилых казаков во главе с атаманами Андреем Веревкиным, Яковом Прончищевым и Федором Шахом. Летом 1576 года войско Ружинского, усиленное отрядами русских служилых людей, ходило на Ислам-Кермен. В сражении под стенами этой крепости татары были разбиты и бежали, очистив город. О взятии Ислам-Кермена победители 15 августа 1576 года сообщили царю.¹⁷⁸ Но к этому времени Иван IV уже получил сообщение об избрании польским королем Стефана Батория и понял, что в этих условиях возобновление борьбы за Прибалтику и Полоцк между Речью Посполитой и Россией становится неизбежным. Сообщение о победе русско-запорожского войска под Ислам-Керменом не убедило царя в необходимости начала большой войны с Крымом и Турцией. Разочарованный круше-

¹⁷³ РК 1475–1598 гг. С. 247–248; Димитриев В. Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII в. // Уч. зап. НИИ Чувашской АССР. 1963. Т. 22. С. 135; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 8, 12.

¹⁷⁴ РК 1559–1605 гг. С. 101.

¹⁷⁵ РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 371.

¹⁷⁶ РК 1559–1605 гг. С. 182.

¹⁷⁷ РК 1475–1598 гг. С. 259–266; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 41.

¹⁷⁸ А. А. Новосельский, а вслед за ним и А. А. Зимин, ошибочно относили взятие Ислам-Кермена к 1575 году. – Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. С. 30; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 22.

нием своих планов, Иван Васильевич «приговорил со всеми бояры итти к Москве», оставив на «Берегу» войска под командованием князя И. Ю. Булгакова.¹⁷⁹

Военные действия на Днепре были свернуты. Возобновившиеся набеги крымских татар носили грабительский характер и ограничивались, как правило, нападениями на приграничные места. Ущерб от этих набегов, с точки зрения царя, был невелик и он, даже в обычно очень напряженное летнее время, продолжал перебрасывать полки с южной границы на литовскую «украину», где новый польский король Стефан Баторий один за другим захватывал русские города.¹⁸⁰ Гораздо больше тревожило Ивана Грозного начавшееся весной 1581 года новое восстание в Казанской земле и непрекращающиеся нападения ногайских татар на приграничные русские земли. В том же 1581 году пришедшее на помощь марийцам 25-тысячное ногайское войско князя Уруса разорило белевские, алатырские и коломенские места.¹⁸¹ В Поволжье шли тяжелые сражения. Несколько облегчила положение русских ратей постройка в 1583 году на правом берегу Волги, напротив устья реки Ветлуги, Козьмодемьянского острога.¹⁸² Только после окончания Ливонской войны московское правительство смогло сосредоточить на охваченной мятежом территории достаточное число войск, подавивших последние очаги сопротивления в марийских землях. Это произошло уже после смерти Ивана Грозного. Покорителем мятежного Черемисского края стал князь И. А. Ноготков, войско которого выступило в поход 11 ноября 1584 года и нанесло ряд поражений восставшим, вынудив их сложить оружие и покориться русской власти.¹⁸³ Укрепляя свои позиции в Поволжье, правительство царя Федора Ивановича спешно возводит здесь новые крепости: в 1584/1585 годах – Новый Царев город на Санчюрине озере (Царевосанчурск), в 1585/1586 годах – Самару и Уфу, в 1589 году – Царицын, в 1590 году – Саратов, Цивильск и Ядринск.¹⁸⁴

Тем временем вновь осложнилась обстановка на крымской «украине». Весной 1584 года 52-тысячное татарское войско под командованием Араслан-мурзы, в составе которого находились татарские и ногайские отряды, прорвалось через Оку. В течение двух недель противник безнаказанно разорял белевские, козельские, воротынские, мешковские, мосальские, можайские, дорогобужские и вяземские места, захватив «полону бесчисленно много русского народу».¹⁸⁵ 7 мая 1584 года, уже после смерти Ивана Грозного, войско под командование думного дворянина М. А. Безнина настигло противника у слободы Монастырской, в устье р. Высы, в 8 верстах от Калуги. В упорном сражении русским полкам удалось разбить врага, «отполонив» около 70 тыс. человек. В тот же день к «берегу» выступило войско князей Ф. М. Трубецкого и М. С. Туренина, усилившее оборону южного рубежа. Однако битвой у Монастырской слободы военные действия не завершились. М. А. Безнин, узнав от захваченных татарских «языков» об осаде войском мурзы Есинея Белева, где оборонялся князь Т. Р. Трубецкой, направил ему на помощь отряд головы Матвея Проестева. Противник, не

¹⁷⁹ РК 1475–1598 гг. С. 266.

¹⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 79. № 16. Л. 89–90 об.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 127. Кн. 9. Л. 151–155; РГАДА. Ф. 127. Кн. 10. Л. 139–154, 160 об. – 169; 273–278; РГАДА. Ф. 122. Кн. 19. Л. 251.

¹⁸² Дмитриев В. Д. Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVII в. // Уч. зап. НИИ Чувашской АССР. 1965. Т. 39. С. 165–169. Следует отметить, что Ф. Ф. Ласковский ошибочно отнес строительство Козьмодемьянска к 1584. – Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858. С. 32.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 14. С. 34–36; РК 1559–1605 гг. С. 213–215. Последнее восстание «луговой черемисы» произошло спустя 7 лет после смерти Ивана Грозного, зимой 1591/1592 годов, когда «изменили государю» 12 (!) черемисских волостей. Это восстание было подавлено низовой ратью под командованием Владимира Васильевича Головина. – ОР РГБ. Ф. 79. № 16. Л. 361 об.

¹⁸⁴ РК 1559–1605 гг. С. 211; Перетяткович Г. И. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877. С. 313–314; Гераклитов А. А. История Самарского края в XVI–XVII вв. Саратов, 1923. С. 134; Новосельский А. А. Указ. Соч. С. 34

¹⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 79. № 16. Л. 197 об.

принимая сражения, ушел из русской «украины».¹⁸⁶ Поражение татарских войск улучшило обстановку на границе, однако и в последующие годы она продолжала оставаться крайне сложной.

¹⁸⁶ Там же. Л. 198. Возможно, в данном случае составитель этой частной книги сознательно или ненамеренно ошибся. В 1585 году князь Т. Р. Трубецкой был воеводой Большого полка «Украинной рати», стоявшего в Туле (РК 1475–1598 гг. С. 342). Впрочем, узнав о нападении татар на Белевский уезд, русские воеводы могли выступить им навстречу и уже там попасть в окружение противника в Белеве. В. В. Загоровский, не использовавший в своем исследовании РК князей Пожарских (ОР РГБ. Ф. 79. № 16), считал, что нападшими в 1584 году татарами предводительствовал мурза Есинеи – старший сын и преемник Дивеймурзы (Загоровский В. П. Указ. соч. С. 187), который, на самом деле, командовал лишь одним из отрядов.

Глава 4. Ливонская война 1558–1583 гг

История Ливонской войны, несмотря на изученность целей конфликта, характера действий противоборствующих сторон, итогов произошедшего столкновения, остается в числе ключевых проблем российской истории. Свидетельство тому – многообразие мнений ученых, пытавшихся определить значение этой войны среди других важнейших внешнеполитических акций Московского государства второй половины XVI века.

Среди работ, посвященных изучению Ливонской войны, актуальным остается исследование Г. В. Форстена «Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648 гг.)», первый том которого посвящен начатой Россией в 1558 году войне за Прибалтику. Написанная по ливонским источникам, работа Форстена дает широкую панораму событий, происходивших в то время на орденских землях. Единственным серьезным упущением автора является заявление о неправомерности русского требования о возобновлении уплаты «юрьевской дани», высказанное им на основе немецких документов. За Россией Г. В. Форстен признает лишь право Пскова на получение с ливонцев мизерной дани в 5 пудов меда, подчеркивая тем самым несправедливость выдвинутого царем Иваном IV ультиматума выплатить ему по одной марке с каждого дома в Дерпте (Юрьеве Ливонском).¹⁸⁷

В советское время вышла всего одна монографическая работа, посвященная борьбе за Прибалтику, начатой русским царем. Речь идет о выпущенной в 1954 году книге В. Д. Королука «Ливонская война». Многие положения монографии устарели, ряд утверждений автора подвергнут критике. Однако, как это часто бывает, оспаривались именно очень точные его наблюдения о принципиально разном видении Иваном IV и Алексеем Адашевым стоящих перед Россией внешнеполитических задач.¹⁸⁸ С другой стороны, неотмеченными остались действительно существенные недостатки работы Королука: слабое освещение хода военных действий, отсутствие всякого упоминания о военной реформе Стефана Батория (!), объяснение причин поражения не только действительными факторами (экономическим истощением страны), но и изменническими действиями бояр-заговорщиков. Героическая оборона Пскова, сыгравшая исключительно важную роль в срыве дальнейших завоевательных планов польского короля и, как итог, приведшая к окончанию войны, описана автором недостаточно полно.

Основные направления внешней политики России второй половины XVI века через призму борьбы с татарскими нападениями рассмотрены были А. А. Новосельским. Исходя из общего для большинства советских историков тезиса о невозможности для Московского государства вести в то время борьбу с Крымом и Турцией, он полагал, что в сложившейся обстановке более перспективным являлось включение России в борьбу за выход к Балтийскому морю. При этом исследователь утверждал, что «Ливонская война была задумана царем Иваном IV задолго до ее начала...»,¹⁸⁹ не подкрепляя свое заявление доказательной ссылкой на источники. Более убедительными представляются выводы А. А. Новосельского о тесной связи татарских нападений с событиями Ливонской войны и невозможности сосредоточения всех русских войск в Прибалтике из-за опасения вторжения крымских и ногай-

¹⁸⁷ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях. С. 86.

¹⁸⁸ Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 30–33. Сходная точка зрения высказывалась и другими исследователями: Шмидт С. О. Правительственная деятельность Адашева // Уч. зап. МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 53; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 46.

¹⁸⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. С. 12.

ских орд. Угроза татарского нападения оставалась реальной: лишь в течение трех из 24 лет войны на южных рубежах набегов не было зафиксировано.¹⁹⁰

Среди исследователей, изучавших причины Ливонской войны, есть несколько историков, справедливо полагавших, что произошедшее в конце 1550-х годов изменение внешнеполитического курса русского правительства было ошибкой. Еще Н. И. Костомаров писал: «Время показало все неблагоприятие поведения царя Ивана Васильевича по отношению к Крыму». Он «не воспользовался удобным временем – эпохой крайнего ослабления врага, а только раздражил его, дал ему время оправиться и впоследствии возможность отомстить вдесятеро Москве за походы Ржевского, Вишневецкого и Адашева».¹⁹¹ Точку зрения Н. И. Костомарова вполне разделял Г. В. Вернадский, подчеркнувший, что борьба с татарами была «подлинно национальной задачей» и, несмотря на сложность покорения Крыма (по сравнению с завоеванием Казани и Астрахани), она была вполне выполнимой. Помешала ее решению начатая в январе 1558 года Ливонская война. «Реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, – писал Г. В. Вернадский, – состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV избрал последнее. Результаты оказались ужасающими».¹⁹² Исследователь высказал интересное предположение о том, что направленная в Ливонию русская армия первоначально предназначалась для военных действий против Крымского ханства. Во главе войск стояли служилые татарские царевичи: Шах-Али, Кайбула и Тохтамыш – московский претендент на ханский трон, вверенные им части по преимуществу состояли из соединений касимовских и казанских татар. Лишь в последний момент армия, предназначенная для вторжения в Крым, была направлена на границы с Ливонским орденом.¹⁹³ Решив начать борьбу за Прибалтику, царь потерял интерес к проблеме Крыма. Все силы и ресурсы страны были переброшены на северо-запад, но непосредственно перед началом войны. В этой связи следует очень осторожно отнестись к отмеченным Л. А. Дербовым обстоятельствам обнаружения в 1554 году возвращавшимися из Москвы ливонскими послами русских военных приготовлений на границах. Тот факт, что они «встречали на дороге через каждые 4–5 миль новые ямские дворы с множеством лошадей и видели огромные обозы с оружием, порохом и свинцом, направлявшиеся к ливонскому рубежу», на тот момент следует воспринимать как демонстрацию силы и средство психологического давления на власти Ордена с целью заставить их отказаться от поддержки Швеции, собиравшейся начать войну с Россией и искавшей союзников среди соседних государств. Расчет русских властей оказался точным. Ливония, первоначально поддерживавшая военные приготовления шведского короля Густава I, так и не решилась на открытую конфронтацию с Московским государством.¹⁹⁴

Слабая изученность многих обстоятельств Ливонской войны порождает досадные ошибки даже в работах маститых ученых. Примером этого может служить известная монография А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного». Так, вопреки давно известным фактам, авторы определили численность оборонявшего в 1581 году Псков русского гарнизона в 50 тыс. пехоты и почти 7 тыс. конницы (на 10 тыс. воинов больше, чем у Батория, пришедшего под стены Пскова с 47-тысячной армией —!). Грубой ошибкой

¹⁹⁰ Там же. С. 17–23.

¹⁹¹ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н. И. Собр. соч. Кн. 5. Т. 13. СПб., 1905. С. 402–403.

¹⁹² Вернадский Г. В. Московское царство. Ч. 1. Тверь, М., 1997. С. 90.

¹⁹³ Там же. С. 89.

¹⁹⁴ Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. 17. Саратов, 1947. С. 164; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 342.

является утверждение о заключении перемирия между Россией и Швецией *в Плюссе* (в действительности же – *на реке Плюссе*).¹⁹⁵

Можно привести целый ряд подобных примеров, однако и упомянутые выше свидетельствуют о запутанности и неизученности многих аспектов и деталей одного из ключевых событий средневековой русской истории. Разобраться в хитросплетениях борьбы за Ливонию пытаются в последнее десятилетие А. И. Филюшкин, Д. Н. Володихин, В. В. Пенской, белорусский исследователь А. Н. Янушкевич.¹⁹⁶ Определенный интерес представляют выводы, сделанные участниками дискуссии «Первая война России и Европы. «Неизвестная» Ливонская война», проведенной редакцией журнала «Родина» в 2004 г.¹⁹⁷

* * *

Добившись больших успехов в борьбе с татарскими ханствами, два из которых – Казанское и Астраханское – были завоеваны в 1550-х годах, правительство царя Ивана IV решило подчинить себе еще одно соседнее государство – Ливонскую конфедерацию (внешнюю политику этого союза определял доминирующий в нем Кавалерский Тевтонский орден в Ливонии).¹⁹⁸ При этом задача сокрушения степных татарских орд осталась незавершенной: в причерноморских степях сохранилось Крымское ханство, в 1475 году ставшее вассалом грозной и могущественной Османской (Турецкой) империи. Этот резкий поворот во внешней политике Московского государства, инициатором которого стал думный дьяк И. М. Висковатый, привел Россию к тяжелому поражению, отрицательно сказавшемуся на дальнейшем развитии страны.

Момент, выбранный для начала военных действий (конец 1557 – начало 1558 года), действительно, мог показаться благоприятным. Последовательные противники выхода России к берегам Балтики по ряду причин были не в состоянии оказать Ливонскому ордену экстренной военной помощи. Швеция, проигравшая начатую в 1554 году войну с Россией, крайне нуждалась в мирной передышке. Литва и Польша, процесс слияния которых в единое государство еще не завершился, рассчитывали на устойчивость рыцарского государства. На первых порах они не планировали вмешательства в длительную и тяжелую войну с Московским государством, все выгоды от которой получало Шведское королевство.¹⁹⁹ Крымский

¹⁹⁵ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 141, 144. Это тем более поразительно, что в другой работе одного из авторов книги – А. А. Зимина, написанной раньше, но изданной лишь посмертно – «В канун грозных потрясений», – показана действительная сложность проблемы оценки реальной численности войск польского короля С. Батория и псковского гарнизона. В ней в качестве достоверных названы совсем иные данные. Прощитируем их: «Армия Батория насчитывала 47 тыс. воинов, из которых 27 тыс. составляли немецкие и венгерские наемники. Русские силы во Пскове были менее значительны. Согласно разряду 1580 г. там должно было находиться 12–15 тыс. человек. По данным, полученным в Польше, Псков обороняли 6 тыс. стрельцов и 3 тыс. конницы; по сведениям Р. Гейденштейна – 50 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы» (Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 73). Каким образом и почему в монографии, написанной (или подписанной) А. А. Зиминим в соавторстве с А. Л. Хорошкевич, стали фигурировать не вызывающие доверия данные Р. Гейденштейна, остается непонятным.

¹⁹⁶ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013; Filjushkin Alexander. Ivan the Terrible: A Military History. London, 2008; Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009; Володихин Д. М. Иван Грозный. Бич Божий. М., 2006; Володихин Д. М. Иван Шуйский. М., 2012; Пенской В. В. От Нарвы до Феллина: очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород, 2014; Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558–1570. М., 2013.

¹⁹⁷ Родина. 2004. № 12. С. 42–48

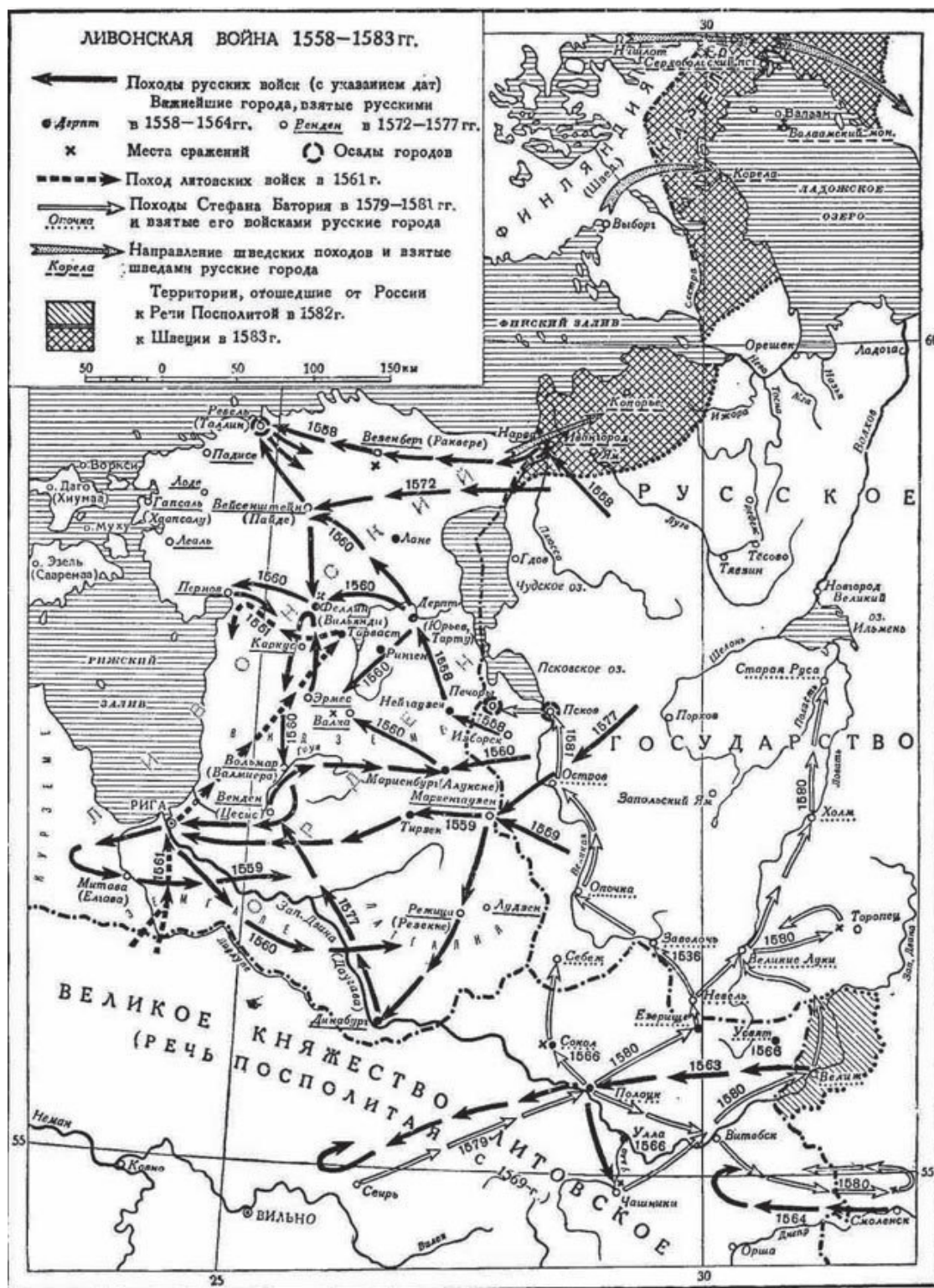
¹⁹⁸ Ливонская конфедерация возникла в 1435 году, представляя собой союз Кавалерского Тевтонского ордена в Ливонии (Ливонского ордена), Рижского архиепископства, Дерптского епископства (епископства Дорпат), епископства Эзель-Вик и епископства Курляндия. Возглавлял это государство магистр Ордена.

¹⁹⁹ О стремлении ВКЛ к развитию мирных отношений с Русским государством свидетельствует продленное по инициативе Вильны перемирие между двумя странами. Продлено оно было на шесть лет. Исключено, что впоследствии король Сигизмунд II Август рассчитывал воспользоваться ослаблением Ливонской конфедерации и включить ее территорию в

хан (в терминологии русских официальных бумаг того времени – «царь»), уstraшенный предыдущими победами Ивана IV, не собирался тогда возобновлять войны на русских границах, ограничиваясь обычными набегами. Однако кажущиеся выгоды выбранного момента обернулись важнейшим стратегическим просчетом московского царя. Поражение в Ливонской войне было предопределено заранее. На смену дрогнувшему под русскими ударами Ордену двинулись войска Швеции, Литвы, а затем и Польши, власти которых боялись и не хотели победы России. Быстрой и сокрушительной для врага войны в Ливонии у Ивана IV не получилось. Мнение о военной слабости Ордена, сложившееся в нашей исторической науке, представляется сильно преувеличенным.²⁰⁰ Несмотря на ряд крупных успехов, полностью овладеть этой небольшой страной, в которой было более 150 замков (не считая больших городов-крепостей), русским войскам в первые годы войны так и не удалось. С вступлением в борьбу за Ливонское наследство Великого княжества Литовского, вскоре объединившегося с Польшей, а затем и Шведского королевства, война для России стала бессмысленной, чреватой полным истощением ее сил и ресурсов.

состав ВКЛ.

²⁰⁰ Королюк В. Д. Ливонская война. М. 1954. С. 22.

Поводом для начала военных действий в Прибалтике стал факт невыплаты Ливонией старинной «юрьевской дани» — издавна установленной денежной компенсации от осевших в Прибалтике немцев за право селиться на землях, лежащих вдоль Западной Двины и принадлежавших полоцким князьям. Позднее эти выплаты трансформировались в весьма

значительную дань за захваченный рыцарями-меченосцами русский город Юрьев (Дерпт), построенный в 1030 году киевским князем Ярославом Мудрым, в крещении носившим имя Георгий (Юрий). Справедливость русских требований признавала и ливонская сторона в договорах 1474, 1509 и 1550 годов.²⁰¹ На переговорах 1554 года в Москве, согласившись с доводами действовавших тогда солидарно А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого, дипломаты Ордена (И. Бокгорст, О. фон Гротхузен) и дерптского епископа (В. Врангель, Д. Ковер) обязались выплатить дань русскому царю с недоимками за три года по 1 марке «с каждой головы». По русским летописным сведениям, ливонские послы должны были «государю дань привести по гривне с человека с Юрьевские области».²⁰² Однако собрать оговоренную, явно значительную, сумму (60 тысяч марок) ливонцы не смогли даже после начала военных действий. К маю 1558 года в их распоряжении имелось около 30 тысяч марок.²⁰³ Невыполненными оказались и другие требования московского правительства: восстановление в ливонских городах (Ревеле, Риге и Дерпте) русских «концов» (кварталов) и православных церквей в них, обеспечение свободной торговли для русских купцов и отказ орденских властей от союзнических отношений с Литвой и Швецией. Страшась гнева московского царя, ливонские власти нарушили еще один пункт соглашения с Россией – в сентябре 1557 года они заключили Позвольский договор с Великим княжеством Литовским. Одним из условий его стало образование военного союза, направленного против Москвы.²⁰⁴ Узнав об этом, русское правительство направило магистру Фюрстенбергу грамоту с объявлением войны. Однако полномасштабные военные действия тогда не начались – Иван IV надеялся добиться своих целей дипломатическим путем в ходе переговоров, которые велись в Москве вплоть до июня 1558 года (уже после начала боевых действий). Ливонцы также не спешили разрывать отношения с восточным соседом. Возможно поэтому исполнение Позвольского соглашения откладывалось «до того времени, пока не истечет перемирие... на двенадцать лет», заключенное ливонцами с Русским государством.²⁰⁵

Тем не менее, нарушение ливонской стороной достигнутых в 1554 году договоренностей дало московскому правительству удобный повод усилить нажим на власти Ордена. Было решено провести военную акцию, чтобы утратить ливонцев и сделать их более сговорчивыми на предстоящих переговорах. Главной целью первого похода русской армии в Ливонию, состоявшегося зимой 1558 года, стало стремление добиться от Ордена добровольной уступки Нарвы (Ругодива).²⁰⁶

Для начала воеводам царя предстояло провести в Прибалтике акцию устрашения, для чего к восточным границам Ливонии была переброшена мобилизованная и хорошо подготовленная конная армия, ранее предназначавшаяся для покорения крымских улусов.²⁰⁷

²⁰¹ ГВНП. № 78. С. 133–136; РГАДА. Ф. 64. Оп. 2. № 2. Л. 1–26; № 8. Л. 1–5; № 9. Л. 1–18; № 10. Л. 1–19.

²⁰² Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 383–389; ПСРЛ. Т. 13. С. 287.

²⁰³ Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 361.

²⁰⁴ Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. № 68. Стлб. 115–120; Чумиков А. А. Объявление войны царем Иваном Васильевичем городу Ревелю // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Смесь. С. 1–4; Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 413.

²⁰⁵ Попов В. Е., Филюшкин А. Е. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 182

²⁰⁶ Вполне вероятно, что царь Иван IV в то время уже задумывался о присоединении к своему государству всех земель Ливонской конфедерации, поручив своим помощникам и советникам осуществить дипломатическую подготовку решения столь сложной задачи. Однако он не форсировал своих действий, демонстрируя готовность к компромиссам с властями Ордена.

²⁰⁷ Составитель Никоновской летописи сопроводил рассказ о начале войны следующим любопытным обоснованием причин похода: «Царь и великий князь отпустил ратию на маистра Ливонского и на всю землю Ливонскую за то, что целовали крест государю дань привести по гривне с человека с Юрьевские области и в ыных земских делах да не испавили по перемирным грамотам ни в чом, и дани не привезли и, на чом [крест] целовали, в том во всем солгали». – ПСРЛ. Т.

Военные действия начались в январе 1558 года. Московские конные рати во главе с касимовским «царем» Шах-Али и князем М. В. Глинским вступили на землю Ордена, сравнительно легко пройдя через восточные пределы страны. Во время зимней кампании русские и татарские отряды, насчитывавшие 40 тыс. воинов, доходили до балтийского побережья, разорив окрестности многих ливонских городов и замков.²⁰⁸ Описывая первый поход московского войска, летописец отметил: «Да пошли царь (Шах-Али. – В. В.) и воеводы направо к морю, а войну послали по Ризской дороге и по Колыванской и воевали до Риги за пятьдесят верст, а до Колывани за тритцать».²⁰⁹ Этот рейд стал откровенной демонстрацией сил Московского государства, призванной оказать силовое давление на нарушившие прежние договоренности и задержавшиеся с выплатой дани орденские власти. Позднее участник похода А. М. Курбский писал, что царь послал воевод своих в Ливонию «не градов и мест добывать, но землю их воевати».²¹⁰ Действительно, русские военачальники в ходе этого похода дважды по прямому указанию царя посылали магистру грамоты о присылке послов и возобновлении мирных переговоров. Устрашенные нападением, ливонские власти пошли на уступки: начали сбор дани, договорились с русской стороной о временном прекращении военных действий и направили в Москву своих представителей, в ходе тяжелейших переговоров вынужденных согласиться на передачу России Нарвы.²¹¹ Уступчивость ливонских дипломатов, старавшихся любой ценой предотвратить старшившую власти Конфедерации войну с Московским государством, вызвала все новые и новые претензии со стороны Ивана Грозного. В конце концов он потребовал от послов, чтобы магистр, рижский архиепископ и все епископы Ливонии прибыли в Москву с данью и согласились выполнять все требования русского царя.²¹² Но такое положение сохранялось недолго. Сообщения о стремлении Ивана IV подчинить себе Ливонскую конфедерацию, прежде всего – Орден, вызвали протест у многих рыцарей. Установленное перемирие было нарушено сторонниками имевшейся среди них военной партии. Особую тревогу вызывала у них опасность потери Нарвы. Вожаком для русского царя город-порт был к тому времени окружен заставами, выход к морю из реки Наровы перекрывала крепость, построенная в 1557 году дьяком И. Г. Выродковым.²¹³ В марте 1558 года нарвский фогт Эрнст фон Шленненберг, ярый противник политики уступок московскому царю, приказал обстрелять русскую крепость Ивангород, спровоцировав ответные бомбардировки, а в итоге – и штурм Нарвы. После получения сообщения о выступлении на помощь гарнизону Нарвы отрядов из Ревеля и Феллина, русские воеводы начали штурм города и 11 мая 1558 года вынудили обороняющийся в замке гарнизон сложить оружие. Известие об этом вызвало радость у царя, повелевшего начать новое наступление московских войск в Ливонии.²¹⁴

Во время начавшегося после этого инцидента второго похода в Прибалтику, в мае-июле 1558 года русскими было захвачено более 20 крепостей, в том числе важнейшие – уже упомянутая Нарва, Нейшлосс, Нейгауз, Кирнпе и Дерпт.²¹⁵ В последнем победителям досталось

13. С. 287.

²⁰⁸ РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 20.

²⁰⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 289.

²¹⁰ РИБ. Т. 31. Стлб. 227.

²¹¹ Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. II. С. 38–40; Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра. С. 38–39.

²¹² Bieneman F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livland in den Jahren 1558–1562. B. 1. Riga, 1865. S. 249.

²¹³ РК 1550–1636 гг. М., 1974. С. 66.

²¹⁴ РИБ. Т. 31. Стлб. 228–229.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 295; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 298, 303–304, 361–362; РИБ. Т. 31. Стлб. 228–229, 233; ПЛ.

552 больших и малых орудий. Хотя Дерпт (Юрьев Ливонский) обороняли не только местные жители, но и отряды наемников – 2 тыс. «заморских немец», отстоять город они не смогли. Город был взят 20 июля 1558 года. При осаде Дерпта впервые в годы Ливонской войны русские артиллеристы применили зажигательные снаряды.²¹⁶ В ходе летнего похода 1558 года войска московского царя вплотную приблизились к Ревелю и Риге, разорив их окрестности.

После одержанных побед русские рати ушли из Ливонии, оставив в занятых городах свои гарнизоны. Этим обстоятельством решил воспользоваться коадьютор (заместитель магистра), бывший феллинский командор Готхард Кетлер, командовавший войсками Ордена.²¹⁷ Собрав 19-тысячную армию (2 тыс. конницы, 7 тыс. кнехтов, 10 тыс. вооруженных крестьян), в составе которой находились и наемные войска («заморския люди»), он попытался вернуть утраченные восточные замки, прежде всего – в Дерптском епископстве.²¹⁸ В конце 1558 года войска Кетлера подступили к крепости Ринген (Рынгола), защищаемую гарнизоном, насчитывающим всего «сорок сынов боярских» и 50 стрельцов во главе с воеводой Русином Даниловичем Игнатьевым.²¹⁹ Русские мужественно сопротивлялись, продержавшись пять (по другим сведениям – шесть) недель, отразив два приступа. На помощь осажденным выступил 2-тысячный отряд князя М. П. Репнина. Его воинам удалось разбить передовую ливонскую заставу под командованием Иоганна (Ягана) Кетлера, брата коадьютора, взятого в плен с 230 другими воинами. Однако затем русский отряд был атакован главными силами Кетлера и разбит. Эта неудача не смогла поколебать мужества защитников Рынголы, которые продолжали отчаянно сопротивляться. Немцы овладели крепостью 11 ноября 1558 года в ходе третьего штурма, продолжавшегося три дня, после того, как у осажденных закончился порох. Последние защитники Рингена, были уничтожены, сдавшиеся – уведены в плен.

Потеряв в боях под Рингеном пятую часть своего войска (почти 2 тыс. человек) и потратив на осаду около полутора месяцев, Кетлер попытался развить успех. В конце октября его войско совершило набег на псковские порубежные места. Ливонские отряды «обожгли» посады городка Красного и разорили Святоникольский монастырь под Себежем. Затем войско Кетлера, раненного в одном из боев (8 ноября), отступило к Риге (по другим сведениям – в Венден).²²⁰

Победа орденского войска под Рингеном и разорение псковских мест разгневали русского царя и обернулись для ливонцев новой большой бедой. В ответ на действия Кетлера в Ливонию вступило московское войско князя С. И. Микулинского и П. В. Морозова, в течение месяца опустошавшее южную Ливонию.²²¹

Решающее сражение зимней кампании 1558/1559 годов произошло при городе Тирзене, где 17 января 1559 года встретились большой ливонский отряд рижского домпробста Фридрихом Фелькерзама и русский Передовой полк во главе с князем Василием Семенови-

Вып. 2. С. 236–237; Форстен Г. В. Указ. соч. С. 959–7, 99–101.

²¹⁶ РИБ. Т. 31. Стлб. 234.

²¹⁷ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 99.

²¹⁸ Там же. С. 104.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 312. Г. В. Форстен, использовавший при работе над своей книгой в основном немецкие источники, считал, что в замке Ринген находилось 2 тыс. русских воинов (Форстен Г. В. Указ. соч. С. 104). А. М. Курбский в «Истории о великом князе Московском» писал о захваченных в «Рындене» (Рингене) 300 русских пленных, которых ливонцы «мало не всех во презлых темницах гладом и зимою уморили» (РИБ. Т. 31. Стлб. 237). В данном случае Курбский, по-видимому, использовал литовские сведения о сражении за Ринген. Также, возможно, в числе пленных он указал и воинов из отряда Михаила Репнина.

²²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 313; ПЛ. Вып. 2. С. 237; Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. СПб., 2013. С. 361.

²²¹ РК 1475–1598 гг. С. 175–176; ПСРЛ. Т. 13. С. 313–314. Номинально этот поход возглавлял татарский царевич Тохтамыш, числившийся первым воеводой Большого полка.

чем Серебряным. В упорном бою немцы потерпели поражение. Фелькерзам и 400 рыцарей погибли, остальные попали в плен или разбежались. После этого русское войско беспрепятственно совершило зимний рейд по землям Ордена «по обе стороны Двины», дойдя до самой Риги. Здесь московские рати простояли три дня, далее двинулись к границе Пруссии, а в феврале вернулись назад, выйдя к Опочке. Во время похода в окрестностях Дюнамюнде был сожжен рижский флот.²²²

В марте-апреле 1559 года русское правительство, посчитав свое положение в новозавоеванных прибалтийских городах достаточно прочным, при посредничестве датчан пошло на заключение шестимесячного перемирия с магистром В. Фюрстенбергом – с 1 мая по 1 ноябрь 1559 года. Мнение ряда историков о решающей роли в этом перемирии Адашева²²³ может быть оспорено. Инициатива заключения соглашения о приостановке военных действий исходила от представителей нового датского короля, Фредерика II, на союз с которым рассчитывал Иван IV. О своей согласии на перемирие московский государь объявил на прощальной аудиенции данной датским послам 12 апреля 1559 года. По другому и быть не могло – именно царь решал тогда вопросы войны и мира. Адашев, очевидно, лишь воспользовался сложившейся ситуацией, пытаясь военным путем разрешить крымскую проблему. В правильности этих предположений убеждает факт заключения после успешной зимней кампании русских войск 1563 года аналогичного, дважды продляемого, перемирия между Россией и Великим княжеством Литовским, позволившего противнику собраться с силой и в 1564 году нанести русской армии ряд ощутимых поражений. Отметим, что оно было заключено через два года после смерти Адашева.

Получив в 1559 году крайне необходимую передышку, орденские власти во главе с Г. Кетлером, ставшим 17 сентября 1559 года новым магистром,²²⁴ призвали на помощь войска соседних государств: Великого княжества Литовского (вскоре объединившегося с Польшей),²²⁵ Дании и Швеции, поспешивших разделить между собой прибалтийские земли, которые не были заняты русскими войсками.

Заручившись поддержкой литовцев и шведов, Готхард Кетлер в октябре 1559 года, «не дождався сроку, на колко их государь пожаловал, за месяц до ноября первого числа», наняв новые отряды «заморских немец», разорвал перемирие с Москвой. Война вспыхнула с новой силой.²²⁶ Новому магистру удалось неожиданным нападением разбить близ Дерпта отряд воеводы З. И. Очина-Плещеева. В битве пало более тысячи русских воинов. В дополнительных записях к Никоновской летописи указано, что в битве погибло 70 детей боярских и 1000 боевых холопов. Столь большие потери автор этого сообщения объяснял оплошностью рус-

²²² ПСРЛ. Т. 13. С. 314; ПЛ. Вып. 2 С. 238; Форстен Г. В. Указ. соч. С. 104–105; Королюк В. Д. Указ. соч. С. 40.

²²³ Королюк В. Д. Указ. соч. С. 41; Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена. С. 164; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 94–95; Вернадский Г. В. Московское царство. С. 92.

²²⁴ В Никоновской летописи есть любопытная запись, датированная еще июлем 1558 года (до падения Дерпта), о том, что «прислал маист Ливонской Гедирт (Готхард Кетлер. – В. В.) человека своего Индрика с тем, что старого маистра Виглима скинули, а его маистром учинили, и царь бы его государь пожаловал, рать свою унял» (ПСРЛ. Т. 13. С. 304). Эта запись отражает действительный факт отстранения В. фон Фюрстенберга от власти, но до 17 сентября 1559 года Г. Кетлер носил титул коадьютора. В самой Ливонии Г. Кетлер считался вождем так называемой «польской партии» и действовал исключительно в ее интересах. – Форстен Г. В. Указ. соч. С. 99.

²²⁵ В 1569 году представители ослабленного войной с Россией Великого княжества Литовского заключили в Люблине унию с делегатами польского сейма. Это был уже не просто политический союз двух самостоятельных образований, подкрепленный династическим единством, а настоящее государство с шестимиллионным населением, вполне сопоставимым в то время с населением Московского царства. Сохранение в Литве самостоятельных органов управления, войска и финансов не заслоняет факта установившейся полной политической зависимости этой страны от Польши. Новое государство тогда же получило официальное название «Речь Посполитая» («Республика»), просуществовав под ним до 1795 года.

²²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 320.

ских воевод, так как «поденщиков и сторожей у них не было, зашли их немцы всех на станех, потому их, по грехом и побили».²²⁷

Несмотря на поражение прикрывающей город рати, начальник юрьевского (дерптского) гарнизона – воевода Катырев-Ростовский – успел принять меры к обороне города. Когда Кетлер осадил Юрьев Ливонский (Дерпт), русские встретили его войско орудийным огнем и атаками конницы, выходившей на вылазки. В течение 20 дней ливонцы безуспешно пытались разрушить стены огнем своих пушек. Не решившись на долгую зимнюю осаду или приступ, магистр был вынужден отступить. Отряд князя Г. В. Оболенского и стрелецкого головы Т. И. Тетерина разбил арьергард рыцарского войска. В бою были захвачены 23 пленных, сообщивших о намерении Кетлера напасть на крепость Лаис (Лаюс).

В этом замке стоял небольшой русский гарнизон под командованием князя А. С. Бабичева и А. Соловцова, с которыми находилось 100 детей боярских и 200 стрельцов. На помощь им была срочно направлена стрелецкая сотня головы А. Кашкарова, успевшая прибыть в Лаис накануне подхода к крепости ливонских войск. Осада началась в ноябре 1559 года. В ходе бомбардировки городских укреплений противнику удалось разрушить стену на протяжении 15 саженей, однако стрельцы успели заделать пролом деревянными щитами. Тем не менее, понадеявшись на многочисленность своего войска, рыцари предприняли двухдневный штурм, успешно отраженный осажденным гарнизоном. Во время осады Лаиса метким огнем русской артиллерии были разбиты две неприятельские пушки. Кетлер, потерявший в боях за Лаис 400 воинов, снял осаду и отступил к Вендену.²²⁸

Одной из причин неудачных действий нового магистра стала несогласованность действий и откровенно враждебные отношения между государствами, на помощь которых рассчитывал Кетлер – Швецией и Данией, воевавших до 1570 года, Швецией и Литвой, даже между Литвой и Польшей до их объединения в 1569 году. Именно это обстоятельство позволило русским войскам до поры до времени вести успешные военные действия в Прибалтике. 9 (по другим сведениям – 14) февраля 1560 года войско во главе с воеводами – князьями И. Ф. Мстиславским и П. И. Шуйским – заняло Мариенбург (Алыст).²²⁹ Летом того же года началось новое большое русское наступление. На этот раз целью московских воевод была крепость Феллин (Вильян). Несмотря на неравенство сил, ливонское рыцарское войско двинулось навстречу 60-тысячной русской армии, которой командовали воеводы И. Ф. Мстиславский, М. Я. Морозов и А. Ф. Адашев.²³⁰ Вперед был выслан 12-тысячный отряд князя В. И. Барбашина. Перед ним поставили задачу перерезать дорогу, по которой шло сообщение Феелина с приморской крепостью Гапсаль.

Передовую рать и атаковали ливонцы. Но в столкновении с русскими войсками, произошедшем 2 августа 1560 года под Эрмесом, главные силы ордена были разбиты. В бою конница Барбашина окружила, разгромила и уничтожила отряд немецких рыцарей во главе с ландмаршалом Филиппом фон Беллем (ок. 1 тыс. человек), пытавшимся внезапно атаковать русских всадников. Среди убитых в сражении и взятых в плен ливонцев оказался 261 рыцарь. В плен сдалось 120 рыцарей и 11 комтуров, в том числе и сам ландмаршал фон Белль – лучший военачальник Ливонии. Его пленил «пахолик» – боевой холоп Алексея Адашева.²³¹ Позднее он (фон Белль) был доставлен в Москву и там, за вызывающую дерзость, казнен по приказу царя Ивана IV (вместе с братом Бернтом Шалем фон Беллем, комтуром голинским и

²²⁷ ПЛ. Вып. 2. С. 238. ПСРЛ. Т. 13. С. 321.

²²⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 322–323; Форстен Г. В. Указ. соч. С. 107.

²²⁹ РИБ. Т. 31. Стлб. 236; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 385; РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 62; Форстен Г. В. Указ. соч. С. 108.

²³⁰ РК 1475–1598 гг. С. 189.

²³¹ РИБ. Т. 31. Стлб. 251–252; Форстен Г. В. Указ. Соч. С. 110. Б. Рюссов писал, что «избитыми» ливонские рыцари потеряли в этом сражении 500 человек. – Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 390–391.

3 другими старшими рыцарями – Генрихом фон Галеном, фогтом боушенбургским, Христофором Зиброком, фогтом кандавским и комтуром фон Беленом).²³² Рыцари были обезглавлены, а тела их брошены собакам.

Победа при Эрмесе открыла русским путь на Феллин (современный эстонский город Вильянди) – в то время одну из сильнейших крепостей Ливонии, где проживал бывший магистр В. Фюрстенберг. Там же была сосредоточена большая часть ливонской артиллерии – «кортуны великие», закупленные в немецком Любеке.²³³ Осадив замок, который обороняло 300 наемных кнехтов, армия Мстиславского, Морозова и Адашева подвергла его трехнедельному непрерывному орудийному обстрелу. Здесь, под Вильяном, русские войска впервые с начала войны вели правильную осаду, окружив замок шанцами. Об этом сообщил Б. Рюсов, написавший: «московит обвел [замок] окопами».²³⁴ В результате бомбардировки орденой крепости зажигательными ядрами, в ней не осталось ни одного целого здания. 30 августа 1560 г. после разрушения городской стены немцы-наемники из крепостного гарнизона, вопреки уговорам Фюрстенберга, сдали город русским воеводам. Среди пленных, захваченных в этой крепости, оказался и сам бывший магистр.²³⁵

В завоеванном Вильяне были оставлены на воеводстве И. И. Очин-Плещеев, О. Д. Меншиков-Полев и Р. В. Олферьев. Однако царь, которому сообщили о взятии города и сделанных военачальниками распоряжениях, приказал переменить воевод. Вместо Очина-Плещеева в Вильяне был оставлен впавший в немилость А. Ф. Адашев, во время этого похода командовавший «нарядом» – русской артиллерией.

Овладев Феллиным, большой воевода – князь Иван Федорович Мстиславский, послушался царского наказа о немедленном выступлении на Колывань (Ревель) и двинул войска на замок Вейсенштейн (эстонское название – Пайде, русское – Белый Камень). Но, выступая в поход, он не взял с собой стенобитный «наряд» и потому так и не смог взять хорошо укрепленный Вейсенштейн. Простояв под «Пайдой-городком» 6 недель (до 18 октября 1560 года), русские воеводы вынуждены были отступить в свои крепости, потеряв на приступах много посошных людей.²³⁶

* * *

Успехи русского оружия ускорили начавшийся распад Ливонской конфедерации. В июне 1561 года на верность шведскому королю Эрику XIV присягнули города Северной Эстляндии, в том числе Ревель.²³⁷ В том же году на Ригу двинулись литовские войска под командованием гетмана Н. Ю. Радзивилла (Рыжего). По вильненскому соглашению от 28 ноября 1561 года Ливонское государство прекращало существование, передав свои города, замки и земли под совместную власть Литвы и Польши. Магистр Кетлер получил в личное ленное владение вновь созданное на части земель бывшего Ордена герцогство Курляндское

²³² Гращенков А. В. Надгробная плита ливонского рыцаря Бернта фон Белля // История и реставрация памятников Московского Кремля. М. 1989. С. 62–63.

²³³ РИБ. Т. 31. Стлб. 247. Курбский называет феллинскую артиллерию «кортунами» по имевшейся в замке пушке «Картуна» (весом в 4 пуда – 64 кг). Позднее она использовалась русскими артиллеристами при осаде Полоцка.

²³⁴ Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 392.

²³⁵ РИБ. Т. 31. Стлб. 257–258. ПСРЛ. Т. 13. С. 330; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 392–393; РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 82.

²³⁶ ПЛ. Вып. 2. С. 240; Форстен Г. В. Указ. соч. С. 112.

²³⁷ Комендант Ревельского замка Каспар фон Ольденбоккен (близкий к Г. Кетлеру человек) отказался сдать крепость шведскому генералу К. Х. Горну и успел ввести в крепость литовский отряд. Осада цитадели продолжалась 6 недель. Гарнизон замка прекратил сопротивление, лишь израсходовав все продовольственные приказы. – Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 131–132; Костомаров Н. И. Ливонская война. Ч. 1. СПб., 1864. С. 93.

и Земгальское, став вассалом польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Августа.²³⁸ В декабре в Ливонию были направлены литовские войска, занявшие города Пернау (Пернов), Вейсенштейн (Пайде), Венден (Кесь), Эрмес, Гельм, Вольмар (Владимирец Ливонский), Трикатен (Трикат), Шванебург (Гольбин), Мариенгаузен (Влех), Резекне (Режица), Люцин (Лужа), Динабург (Невгин) и Кокенгаузен (Куконос). Отряд из 300 драбов под командованием ротмистров В. Таминского и Я. Мондревского был направлен к Ревелю, однако этим городом литовцы овладеть не смогли – Северная Эстляндия к тому времени перешла под власть Швеции.²³⁹

Так, в военные действия в Прибалтике оказались втянуты новые силы. И если с захватившим Ревель Шведским королевством московской стороне первоначально удалось достичь согласия (20 августа 1561 года в Новгороде с представителями шведского короля Эрика XIV было заключено перемирие на 20 лет), то вооруженный конфликт с Великим княжеством Литовским, начавшийся отдельными приграничными столкновениями, вскоре перерос в настоящую войну. Борьба за ливонское наследство привела к резкому обострению отношений между Москвой и Вильной. В июле 1561 года в листах, направленных старостам и державцам, Сигизмунд II Август приказывал объявить на торгах о сборе литовского шляхетского ополчения на войну с Московским государством.²⁴⁰ Обстановку осложнила начавшаяся борьба за город Тарваст (Таурус). 20 сентября король Сигизмунд II Август оповещал украинских старост и державцев о взятии московскими войсками Тауруса, который, по его словам, неприятель «несправедливе посел».²⁴¹ Однако литовская шляхта не спешила на сборные пункты. В 1562 году, накануне истечения срока перемирия с Русским государством, встревоженный состоянием военных сил Великого княжества Литовского король изменил свои планы. Он попытался продлить перемирие, направив в Москву дворянина Б. И. Корсака, до той поры запретив украинным воеводам и старостам чинить «зачепки» на границе.²⁴² Но оттянуть начало военных действий ему не удалось. В марте 1562 года, сразу же после окончания срока перемирия с Литвой, Иван IV приказал своим воеводам начать войну против этого государства.

Выполняя волю московского государя, ранней весной 1562 года сосредоточенное в Смоленске войско во главе с И. В. Большим Шереметевым, И. М. Воронцовым и татарскими царевичами Ибаком и Тохтамышем ходило воевать «литовские места» к Орше, Мстиславлю, Дубровне, Копыси и Шклову. Двумя месяцами позже в набег на Витебск, совершил из Великих Лук князь А. М. Курбский;²⁴³ летом из Смоленска под Мстиславль и на Двину ходили полки князей П. С. и В. С. Серебряных, а из Великих Лук – рать князя М. Ф. Прозоровского и М. М. Денисьева. В Ливонии войска князей И. Ф. Мстиславского и П. И. Шуйского захватили города Тарваст (Таурус) и Верпель (Полчев).²⁴⁴

Противник не оставался в долгу. Получив известие о первых русских нападениях, Сигизмунд II призвал каждого из своих воевод подняться на войну и «оземши Бога на помочь, замкам, местам, волостям и селам того неприятеля нашего московского к тамошнему краю прилегалым и где досягнути можешь, такеж плен, пустошенье и шкоду мечом и огнем и всяким способом и обычаем неприятельским чинил, колько тебе Бог поможет». В тех

²³⁸ РГАДА ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 8–9; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 399; Т. 3. С. 130.

²³⁹ Lietuvos Metrika. Kn. 7. (1553–1567). Vilnius, 1996. № 14. Р. 38, № 18. Р. 40.

²⁴⁰ LM. Kn. 7. №. 32. Р. 53–54.

²⁴¹ LM. Kn. 7. №. 51. Р. 69.

²⁴² LM. Kn. 7. №. 76. Р. 89.

²⁴³ К Витебску русские полки подошли 20 мая. Три дня они осаждали город, разорив витебские посады, затем ушли обратно в Великие Луки. На обратном пути были опустошены окрестности еще одного литовского города – Суража. – Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558–1570. М., 2013. С. 60.

²⁴⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 330; Форстен Г. В. Указ. соч. С. 112.

же разосланных по стране листах король сообщал о выступлении в поход гетмана Николая Юрьевича Радзивилла.²⁴⁵

Весной 1562 года литовские войска произвели ответные рейды на русскую территорию – смоленские места и псковские волости (в окрестностях Себежа и Опочки), после чего бои развернулись по всей линии русско-литовской границы. В августе 1562 года произошло новое большое нападение «литовских людей» – на этот раз на русскую пограничную крепость Невель двинулись войска черского каштеляна ротмистра Станислава Лесневельского. Воевода А. М. Курбский, находившийся тогда в Великих Луках, «ходил за ними», сумел настигнуть, но не разбил и сам был ранен в том бою. По русским сведениям, у Курбского было 15 тыс. человек, у противника – 4 тыс. человек; по польским, явно преувеличенным, данным – 45 тыс. у русских и 1,5 тыс. человек у литовцев.²⁴⁶ За эту неудачу позднее в Первом своем послании Курбскому Иван Грозный укорял изменившего ему князя Андрея: «Како же убо под градомъ нашимъ Невлемъ пятьюнадесять тысящъ четырехъ тысящъ не могосте побити, и не токмо убо победисте, но и сами от нихъ язвлени едва возвратистесь, сим ничто же успевшимъ».²⁴⁷

Литовские нападения продолжались и осенью 1562 года. В Ливонии гетман Николай Радзивилл вновь овладел Тарвастом, пленив там русских воевод Тимофея Матвеевича Кропоткина, князя Неклюда Давыдовича Путятина и Григория Еремеевича Большого Трусова. Другое литовское войско, воспользовавшись неудачей Курбского, в сентябре 1562 года razорило порубежные псковские волости: Муравеино, Овсище, Коровий Бор. Противник пришел «без ведома, и полону много взяша, скота, людей посекоша, и церкви пожгоша и двory боярския и земледельцов».²⁴⁸

Не обращая внимания на эти болезненные, но все же мелкие уколы, Иван Грозный готовил большое наступление на Великое княжество Литовское. В Великих Луках собирались царские полки, двинувшиеся в декабре 1562 года на Полоцк.²⁴⁹

Этот город давно привлекал внимание Ивана IV своим выгодным стратегическим положением в верхнем течении реки Западная Двина, на стыке русских, литовских и ливонских границ. Полки выступали из Великих Лук на протяжении недели – с 10 по 17 января. Сам царь Иван Васильевич вышел в Полоцкий поход 14 января 1563 года.²⁵⁰

²⁴⁵ ЛМ. Кн. 7. №. 85. Р. 93–94.

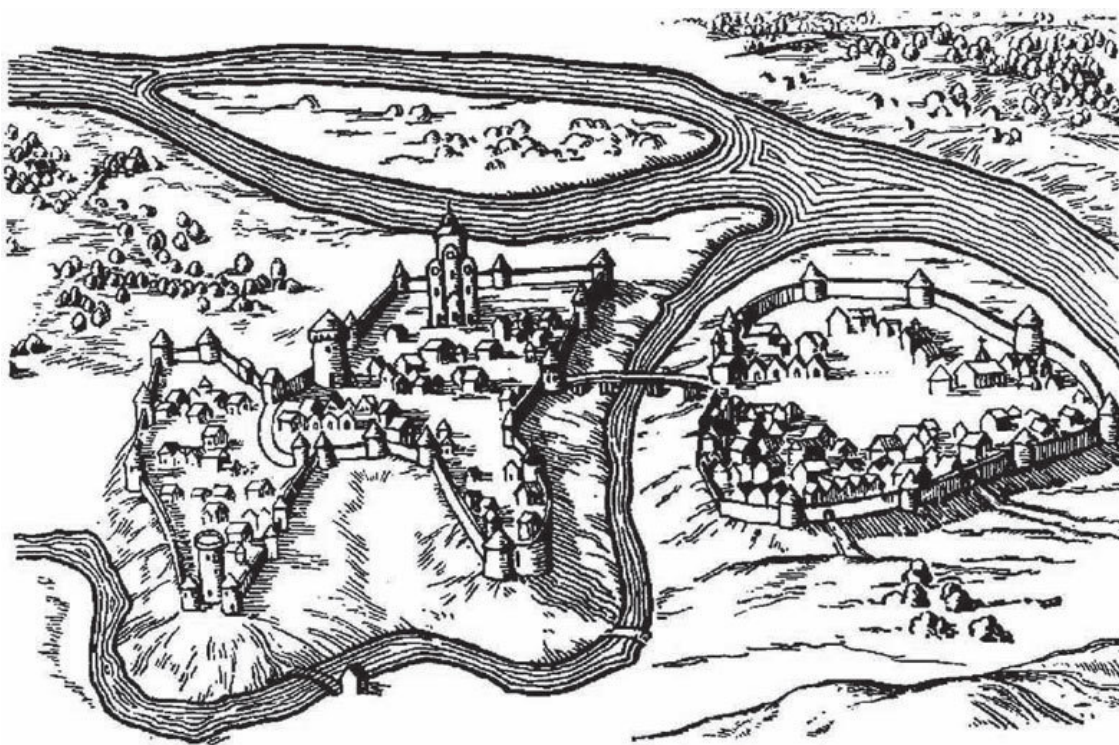
²⁴⁶ ПЛ. Вып. 2. С. 242–243; РК 1475–1598 гг. М., 1966; ПСРЛ. Т. 13. С. 340; Kronika Marcina Bielskiego. Księga VII. Warszawa, 1832. S. 155–156; Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wazystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. T. 2. Warszawa, 1846. S. 412–413.

²⁴⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 42–43.

²⁴⁸ ПЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 243.

²⁴⁹ РК 1475–1598 гг. С. 197–198; ПСРЛ. Т. 13. С. 345. Большой поход русских войск в Литву должен был состояться в мае-июне 1562 года. Однако он был отложен из-за нападения 15-тыс. татарской армии крымского хана Девлет-Гирея на окрестности Мценска, Одоева, Новосила, Болхова, Черни и Белева. – ПСРЛ. Т. 13. С. 342; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 428; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 96.

²⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 247–248.

Полоцк в XVI веке.

Сохранить в тайне подготовку экспедиции и направление движения войск не удалось. Во время похода из полков в Полоцк бежал окольный Богдан Хлызнев-Колычев, предупредивший полоцкого воеводу Станислава Довойну о приближении московского войска, его численности и о планах русского командования. По литовским документам известно имя еще одного перебежчика – сына боярского Семена Буйко, который «поведил» о выступлении Ивана IV в поход на Полоцк.²⁵¹

Впрочем, скрыть движение большой массы вооруженных людей было невозможно. Не таил своих планов и царь, отправивший в Полоцк грамоты в которых он предлагал воеводе Довойне и епископу Арсению Шишке, чтобы они «похотели к себе государьского жалования и государю служить».

Поход проходил в тяжелой обстановке. Войска вынуждены были двигаться по единственной дороге, на которой постоянно возникали заторы, останавливающие и без того медленное движение полков, пушек среднего и легкого «наряда», обозов.²⁵²

С большим трудом войско достигло Полоцка, осада которого началась 31 января 1563 года. Город был хорошо укреплен, его защищало целое войско, насчитывающее не только 1000 наемных солдат местного гарнизона, но и ополченцев из числа взрослого мужского населения (всего в Полоцке в указанное время проживало не менее 12 тыс. жителей; по польским сведениям – 20 тыс.).²⁵³ Помимо обнесенного стенами с 9 башнями острога, внутри города находились две мощные цитадели – Верхний и Нижний замки, возведенные на высоких холмах и обнесенные каменными стенами и башнями. (Верхний замок был прикрыт 7-ю

²⁵¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 250; ПСРЛ. Т. 29. С. 305; ЛМ. Кн. 7. №. 148. Р. 138.

²⁵² ПСРЛ. Т. 29. С. 305.

²⁵³ Маслов П. Д. Указ. соч. С. 354. Д. Н. Александров и Д. М. Володихин определяют численность полоцкого гарнизона в 1–2 тыс. человек. – См.: Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. М., 1994. С. 100. По-видимому, численность полоцкого гарнизона исследователями несколько завышена, вряд ли она превышала 1000 человек, т. к. после сдачи крепости в русский плен сдалось только 500 жолнеров. Войска московского царя не штурмовали внутренние цитадели, а при бомбардировках не могло погибнуть 3/4 гарнизона.

двухъярусными башнями, Нижний – 5-ю башнями). Понадеявшись на крепкие стены и гарнизон, полоцкие державцы не только отклонили предложение о сдаче города, но и казнили посланного к ним парламентаря.²⁵⁴

Невзирая на грозный вид полоцких укреплений, русские войска, завершившие тяжелое и длинное «путное шествие», приступили к осаде города. Действовали они слаженно и решительно. Уже на следующий день двумя стрелецкими приказами (Василия Пивова и Ивана Мячкова) был занят важный в стратегическом отношении Ивановский остров на реке Полоте.²⁵⁵

Первый удар осаждающих пришелся на Полоцкий острог, окружавший посад и Верхний и Нижний замки. Русские источники подчеркивали надежность его укреплений, тянувшихся от р. Полоты до Западной Двины.²⁵⁶ Овладеть крепостью можно было только благодаря правильной осаде. 4 февраля вокруг Полоцка были поставлены туры, а утром произошел первый приступ, в ходе которого «голова стрелецкой Иван Голохвастов с стрельцами зажгли у литовских людей у острогу башню над Двиною рекою, и стрельцы было влезли в башню и в острог». Однако русское командование посчитало, что продолжение штурма чревато большими потерями и отозвало стрельцов.²⁵⁷ Ситуация изменилась 7 февраля, когда из Великих Лук доставили «большой наряд». Его надлежало установить на батареях под городом, но осаждающие, воодушевленные прибытием артиллерии, удвоили усилия, которые были вознаграждены 9 февраля 1563 года. В этот день полоцкий воевода принял решение оставить острог, отступив во внутренние цитадели – замки. Отходя, литовские солдаты стали поджигать дома мещан, которые пытались этому помешать. Факт убийства полоцких «посадских людей» отметил автор Лебедевской летописи.²⁵⁸ Возможно, поэтому горожане предпочли сдаться начавшим штурм русским воинам. Так был взят Полоцкий острог. В нем было пленено по польским сведениям 20 тыс., по русским – 12 тыс. полочан.²⁵⁹

Через день началась бомбардировка замка пушками «большого наряда». Огонь вели поставленные за Двиной тяжелые орудия «Кортуна» (трофейная ливонская пушка), «Орел», «Медведь» «и иныя пищали [и] ис тово наряду многих людей в городе в Полоцку побило». 11 февраля в непосредственной близости от городской цитадели установили еще одну батарею – «две пушки ушатые» и «стенное» орудие. Город обстреливали и «верховые пушки» (мортиры), поставленные «круг города по всем местом».

В ночь с 12 на 13 февраля 1563 года осажденные попытались контратаковать неприятеля. По-видимому, они намеревались захватить или уничтожить русские пушки. Это нападение было отражено, но не без труда и потерь, в том числе и среди командного состава –

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 305.

²⁵⁵ РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 116; Александров Д. Н., Володихин Д. М. Указ. соч. С. 97.

²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 310.

²⁵⁷ РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 120.

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 310.

²⁵⁹ Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wazystkiej Rusi Macieja Strykowski. T. 2. Warszawa, 1846. S. 413; РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 125–126. Более достоверны русские данные, т. к. именно русским воеводам сдались находившиеся в остроге полочане. Д. Н. Александров и Д. М. Володихин, наоборот, более точными считают сведения, сообщенные Матвеем (Матвеем) Стрыйковским (Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. С. 102). По данным Лебедевской летописи, только в «государьской стан» вышло 11 160 человек – «мужеска полу 3907 человек, а женок и девок 7253 человеки» (ПСРЛ. Т. 29. С. 310). По Разрядной книге Полоцкого похода царя Ивана Васильевича 1563 года, выходцев было 11 060 чел. (Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. Витебск, 1885. № 3. С. 52). Но помимо «государьского полка», полочане входили и в другие, «воеводские полки». В другой разрядной книге указано: «А литовского полону в остроге и на посаде, что взяли и записывали их у государя в полку, и по записке того дни взято полону литовского 12 000». – РК. 1550–1636 гг. С. 118.

в ожесточенном ночном бою получил ранение один из воевод, Иван Васильевич Большой Шереметев.²⁶⁰

Продолжающейся бомбардировке замков литовское нападение не помешало. Уже 13 февраля со стороны «Великих ворот» по цитаделям открыли огонь пушки «Кашпирова» (в документе – «Шашпирова»), «Степанова» и «Павлин».²⁶¹ Бомбардировка продолжалась до 14 февраля, причем в последние два дня «изо всего наряду били без опочивания день и ночь». Меткий артиллерийский огонь наносил осажденным ощутимый урон. В ночь на 15 февраля московские стрельцы выжгли часть крепостной стены. Укрепления замка сильно пострадали: из 240 городень внешней деревянной стены было выбито 40, ощутимые потери понес и полоцкий гарнизон, численность которого сократилась до 500 человек.²⁶²

Полоцк был взят 15 февраля 1563 года, после трехнедельной осады, на рассвете, «как ночные часы отдало». Его укрепления оказались почти полностью разрушенными русской артиллерией. Крепостная стена была выжжена почти на 300 сажень. Сильно пострадали и другие городские укрепления. Не дожидаясь неминуемого штурма, воевода Станислав Довойна сдал крепость русскому командованию.²⁶³ В плен попал весь полоцкий гарнизон. Оставив себе захваченный «наряд» (20 орудий) и казну, царь все прочие богатства отдал воинству, как и при взятии Казани в 1552 году. В течение двухнедельной осады Полоцка русское войско потеряло убитыми 86 человек: «убили пеших четырех детеи молодых да голову казатскую, а стрелцов 66 человек, да боярских людей 15 человек».²⁶⁴

²⁶⁰ Янушкевич А. Н. Указ. соч. С. 73.

²⁶¹ РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 126–127.

²⁶² ПСРЛ. Т. 29. С. 310; Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wazystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Т. 2. S. 413. Все взятые в Полоцке в плен неприятельские солдаты (500 чел.) были щедро награждены царем и отправлены на родину. – Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI вв. С. 107.

²⁶³ Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. С. 54–55, 122; Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 140; Форстен Г. В. Указ. соч. С. 327–330, 470; РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 129–131.

²⁶⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 313.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.